

**НИКОЛАС МВАНИКИ
(NICOLAS MWANIKI)**

РОМАН

**ЦЕЛОВАТЬ
БОГА
В ГУБЫ**

КНИГА ПЕРВАЯ

НИКА ШЕСТИКРЫЛЫЙ СЕРАФ

18+

Николас Мваники
Целовать Бога в губы.
Книга первая. Ника
Шестикрылый Серафим

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38575163
SelfPub; 2018*

Аннотация

Роман повествует о том, как в Нью-Йорк приезжает молодой писатель, эзотерик, философ, у которого жизненный творческий кризис, и он ищет выходы и входы. Писатель решил, как бы, начать жизнь заново и, волею судеб, снимает комнату в коттедже, в котором живут и работают девушки, вебкам модели порно и эротической интернет индустрии. Молодой мужчина среди двух десятков раскрепощенных красавиц. Не эротика. Просто любовная романтика на фоне поломанных человеческих судеб, чем не захватывающий сюжет для чтения в стиле приятного время препровождения. Возрастная категория читателей – 18+Содержит нецензурную брань.

«Этот роман как один из видов духовной практики современного мира. В нём есть и чуть-чуть, поисков возвышенного, и немножко порно... вебкам порно».

Николас Мваники (Nicolas Mwaniki)

«ЦЕЛОВАТЬ БОГА В ГУБЫ»

роман в четырех книгах

Книга первая – **«Ника Шестикрылый Серафим»**

Книга вторая – **«Алина Ангел Ангелина»**

Книга третья – **«Ксения Чужестранка и ее Престолы»**

Книга четвертая – **«Далеко не святой Николас»**

Книга первая «Ника Шестикрылый Серафим»

Глава 1

«Я спешил. Мне хотелось встретить Нику, при ее выходе из супермаркета. Или хотя бы успеть перехватить ее по дороге. И чтобы все было как бы неожиданно. Случайная встреча, способная изменить две человеческие судьбы. Встреча, из которой вырастает большая любовь на всю жизнь.

Я знаю, что Нике очень нравится, когда, встречая её, уви-

дев её издалека, я начинал махать руками и бежать навстречу к ней. Но она всегда немного смущалась и даже пыталась меня ругать, за то, что я так бурно и при всех проявляю свои чувства.

Я забирал у нее сумки. Из таких хрупких и красивых рук. В свои, мужские, жилистые, проработанные в спортзале, руки.

А она особенно нежно, обеими руками, держалась за меня, и пальцами, как будто случайно, трогала мои рельефные мышцы. И мне казалось в это мгновение, что Ника на секунду прикрывала свои глаза, жмурясь от своих же ярких чувств романтики и счастья, которые переполняли ее, и она особо секретно улыбалась сама себе.

Мы с ней, прекрасная влюбленная пара, шли домой, в наш коттедж. Прохожие смотрели на нас, и им становилось чуть-чуть светлее и теплее на сердце от нашей любви.

А Ника, очень счастливая, шла, прильнув ко мне, и всё рассказывала и рассказывала свои невероятные истории, то ли придуманные ей, то ли прочитанные в книгах, в каких-то не наших книгах, книгах, которые издаются в других параллельных вселенных.

Дойдя до угла улицы, я услышал шум. Сердце мое нехорошо забилось, я не выдержал, рванул вперед, побежал.

Выбежав на проспект, я увидел...

Я увидел только Нику. Как она лежит у своего Серафима. Она лежала на его корнях, корнях этого старого красиво-

го дерева. Лежала Ника нелепо, театрально, как-то слишком драматично и фальшиво наиграно. Невозможно было поверить, что все, что происходит реально, что всё это, правда.

Нику сбил байкер. На большой скорости. И от удара она отлетела на метров пять и с силой, головой, ударилась о ствол дерева. Она ударилась о своего Шестикрылого Серафима, и так сильно, что на стволе дерева осталась вмятина.

А вокруг суетились люди, вызывали полицию и скорую, помогали мотоциклисту, оказывали ему первую помощь. У Ники никого не было. Уже не было. Люди отошли от Ники. Отходили от нее, как-то странно крадучись и виновато сутулясь, удалялись прочь.

Я подбежал, подошел, через силу и неуверенно приблизился к Нике.

Опустился перед ней на колени, как будто просил у нее прощения, за всю эту странную ситуацию. Я приподнял ее голову. Посмотрел в ее лицо. В её уже бледное, но столь прекрасное и родное мне лицо.

Это была мгновенная смерть.

Моей ладони стало тепло и влажно от крови, но я все держал и держал ее голову. И я как-то особенно нежно, но в то же время пристально, напряженно и упрямо всматривался в ее лицо.

Я хотел сфотографировать, запечатлеть, запомнить Нику в этот ее последний миг, присутствия здесь, чтобы всю свою жизнь помнить этот момент разлуки с моим самым люби-

мым человеком, ибо я знал, что Ники со мной уже нет. Она еще здесь, но и уже не со мной, не с нами.

Или может я просто хотел запомнить эти синие огромные глаза, которые широко раскрыто смотрели в бездонное красивое осеннее нью-йоркское небо.

И глаза Ники в тот момент были намного глубже и бездоннее этого неба.

И в них, в этих бесконечно красивых глазах, раскрыв свои шесть крыльев и сияя духовным светом, был четко виден Шестикрылый Серафим.

Я понял, Ника уходит, и Высший Ангел сопровождает ее. Теперь она принадлежит другому миру, миру вечности и любви, а мне остается мир, в котором, за одно мгновение, погасли все добродетели.

И я должен принять её смерть, благословить и отпустить ее из своей жизни. Ну, может быть не прямо сейчас, но все равно должен буду это сделать...

Так я запомнил Нику, и как она покинула нас. Меня.

Моё сознание отказывается принимать, что Ника оставила этот мир совсем по-другому.

Она уехала. Ее уговорила подружка поехать на один из океанских островов и поработать там хостес в караоке баре. Даже не поработать, а больше отдохнуть на океане, на прекрасных пляжах, щедро обласканных теплым солнышком и покрытых белым серебристым песком, и, с грациозно нависающими над бирюзовыми волнами теплого океана, пальма-

ми.

Рай на Земле и никак иначе.

Поэтому Ника и согласилась. Как я ее не отговаривал. Она отпраздновала со мной и всеми своими друзьями свой двадцать первый день рождения и с подружкой улетела на неделю-две. Только потом, по приезду сюда, ее подруга рассказала мне историю смерти Ники.

Историю, которую я не могу принять. Запомнить. Знать.

Историю о том, как быстро на Земле рай может превратиться в ад.

По прилету и приезду на место, у девчат отобрал все документы. В это время на остров заехала залетная наркомафия. Нику с подружкой и других хостес девушек насильовали. Всей бандой. И всех больше досталось Нике. Она была самая красивая и самая не сговорчивая. Она всегда сопротивлялась до последнего. И поэтому, они насильовали ее особо жестоко, иногда сразу по 5 и 7 человек, мучая, избивая её, особо извращенно издеваясь над ней.

К утру следующего дня, эти ублюдки просто запинали мою Нику до полусмерти, отвезли ее на катере за несколько миль от берега, привязали камень к ее ногам и просто сбросили её ещё живую, в океан.

Незадолго, перед смертью, как бы чувствуя свой скорый уход, Ника просила подружку передать мне, что она любит меня и носит моего ребенка.

Нет. Не было. Не хочу слушать думать и помнить. Я ни-

чего не знаю...

А когда подружка мне рассказала эту историю, я увидел, как мои руки превратились в могучие клешни, которые созданы для того, чтобы легко перекусывать железные фонарные столбы.

«Это ты ее уговорила лететь туда, на смерть!» – прошипел я.

И я, этими клешнями, взял за хрупкое горло эту девушку, и приподнял ее. А она, с посиневшим и перекошенным лицом, вися и не красиво дрыгая ногами прохрипела: – «Пощади!»

Она описалась. От ужаса. А я жестоко улыбнулся в глаза ее и...

Я услышал голос в моем сердце. Услышал приказ, который невозможно послушаться. Приказ отпустить её.

Силы гнева оставили меня в одно мгновение, и я разжал свои руки, а так хотелось сомкнуть эти клешни и увидеть, как через мгновение, ее голова покатится, оставляя за собой на земле кровавый алый след. Но я отпустил ее и взял слово, что всё то, что она рассказала, что этого всего не было. И не могло быть. Я же сам видел, как погибла моя Ника, мои любимые Никушонисы. Нику сбил байкер, почти на моих глазах. И она погибла мгновенно.

А я всё прихожу и прихожу к этому дереву, к ее дереву, к ее Шестикрылому Серафиму. Прихожу каждый месяц в то число, когда погибла моя Ника. Обнимаю дерево. Говорю с

ним. И в память о Нике повязываю две ленточки на его ветви.

Почему две?

Не понимаю, откуда у меня взялась уверенность, в то, что у нас с Никой должна была родиться доченька. Вот если бы Ника была жива, то точно, мы родили бы девочку. Такую прекрасную маленькую Принцессу. И мы ее с Никой – очень любили. Баловали. Играли бы с ней. Расчесывали волосы и укладывали спать. А на ночь, я читал бы ей самые добрые в мире сказки. Я же сказочник. И я знаю много прекрасных сказок.

И нашу дочу, мы назвали бы Надя, Наденька, Надежда.

Но как-то не случилось... И нет надежды...

И говорю я с Серафимом, и шепчу я ему свои сказки. Обнимаю его. Трогаю его ствол и глажу кору, вдыхаю этот пьянящий древесный терпко-горький аромат. И я чувствую в этот момент, что Ника здесь рядом, что она во мне, в моем сердце.

А я, кончиками своих пальцев, всё ищущу и ищущу на стволе вмятину, то место, в которое Ника ударилась своей головой, но не могу ее найти, как будто и не было никогда ни вмятины, ни Ники, ни наших с ней отношений, вообще ничего не было.

Так и стоим мы у дороги. Я и дерево.

И мои горячие слезы отчаянья пустой жизни без любви, каплют на корни Шестикрылого Серафима...»

Глава 2

Лечу над Атлантическим океаном. Подо мной многокилометровая бездна воздушного пространства. Я сижу в удобном кресле авиалайнера, и в перерывах между дремой и приемами пищи, праздно думаю о смысле жизни, при этом, перелистываю, просматриваю, почти не вчитываясь, электронные страницы своей новой книги.

Поднимаю глаза: через проход, от меня, в кресле сидит красивая в своей старости бабушка. Такая вся седая и в очках, а в руках у нее спицы. Она что-то там вяжет. А может это и не бабушка вовсе, а моё Время. Сидит рядом со мной, словно добрая святая Вечность, иногда посматривает на меня по мудрому и с любовью, и незаметно для меня, всё создает и создает причудливые кружева моей будущей жизни.

Но что мне моя будущая судьба, когда я с настоящей не смог разобраться. Не разобрался и в своем малодушии, скоренько так, всё и вся бросил, и улетел в чужие, но, почему-то, такие притягательные дальние дали.

Вот пытаюсь сейчас умственно работать над своим новым романом. Перечитываю, обдумываю, хочу нащупать его канву, суть событий.

Недавно, за день до отлета, я начисто написал первую главу. Перевел ее из состояния черновика в чистовик. Начало книги, в создании своего произведения, для меня не самое сложное. Оно как бы само появляется на свет, приходит извне, и ложится на бумагу. А вот дальше...

Первые страницы пришли ко мне в родительском доме, куда я заехал попрощаться с мамой, папой, всеми родными близкими мне людьми и местами.

Я знал, что я улетаю и не вернусь. Билет в один конец. И родители это также понимали. Я им этого не сказал. Но они это почувствовали.

Как все странно и грустно. Уходить из этого мира они будут без меня, а я даже не провожу их в последний путь до погоста. И вся эта жестокая тайная нелепость придавала неповторимый вкус наших встреч, бесед и расставаний.

Пожил перед отъездом у родителей.

Да. Родители. Когда они у тебя есть, ты даже не задумываешься что это и счастье, и удача.

Отец и мать.

Через них мы приходим в этот мир, через них с нами говорят все наши предки, весь наш род. Да, много что идет через родителей, например, отец, помогает своему ребенку в становлении как личность, учит его выбирать, ставить перед собой цели и добиваться их. Считаю очень важным в жизни иметь цели, желания и мотивации, определенные именно тобой. Сам всё решаешь и сам несешь за свои решения ответственность. Мать же, вносит в жизнь своего дитя культуру жизни, осознанность своего бытия, учит любви и гармонии. Баланс и любовь, да кто же будет спорить, что это бесценные состояния жизни. Доброе мягкое благородное наше сердце, это всё забота о нас нашей мамы.

Не важно, родные родители или приёмные, или ребенка растило общество, там сын полка и в этом роде, но отец и мать, желательно чтобы были в жизни каждого человека.

И очень хорошо и правильно получать от отца и матери их слова одобрения, поддержку, согласование на жизненно важные вехи своего пути.

Ну, это все, конечно, в идеале.

Вот и я получил их благословение и добрые слова напутствия, попрощался с домом, где родился, провел детские, юношеские годы и отправился в путь.

Улететь, оставить свою страну, это только мой выбор и мое решение. Хотя я люблю отчий дом и много чего интересного здесь сделал. Но пришло время прощаться. И это как семейный разлад. Моя личная любовная ссора с моей родной землей и со всем, что мне так близко и мило. И я не могу внятно объяснить, почему я навсегда отсюда улетаю. Мне здесь всё дорого. Но бывает же такое, что люди любят друг друга, а расстаются. Дураки?! Я так не думаю! Любовь в разлуке – самое сильное состояние любви, и, наверное, каждый, рано или поздно стремиться испытать эти немислимые яркие всеобъемлющие чувства.

Да и вообще, как мы действуем в этом мире? Откуда приходит некая пока еще совсем незначительная и незаметная для нас идея. Очень тонкая глубинная эмоциональная вибрация, которая для нас самих пока и незаметна. И вот она растет внутри нас почти автономно и вдруг она завладевает

нашим сознанием, и начинает повелевать нами, и мы неотвратимо, принимаем решение следовать только этому желанию. И каким-то образом из неоткуда, берутся же, на это силы, воля, возможности, всё это, как мотивация, как нечто извне, входит в нас, точнее в это самое желание, и оно становится для нас же – приговором.

Особенно когда мы совершаем ужасные и непоправимые ошибки в жизни. И никто и ничто нас при всем при этом, не может остановить.

Например, предательство. Супружеская верность, родственные узы, дружба, любовь, деловые отношения или просто данное обещание. Да многое что еще, чему или кому, мы склонны изменить.

И, даже, возможно, неверность, это и есть самое большое наслаждение здесь, и у нас. Как сладостно, быть в состоянии измены! В измененном состоянии. Думаю, многие стремятся к этому состоянию своего личного бытия. Но получается это не у всех.

Есть люди, которые совершив предательство, чувствуют, что, там, глубоко в сердце, голодный волк совести пожирает их ягнят тихого спокойного счастья. А сама измена, им почему-то, никакого удовлетворения не приносит. И перед грозящей опасностью потери последних капель своих человеческих радостей, эти люди начинают раскаиваться в содеянных ими коварствах. И больше так не поступают. Но это какие-то не правильные люди. Есть же – неправильные пчелы, и есть,

как эти пчелы – люди. Неправильные. Люди, которые встали на путь чистоты и преданности, и кайфа от предательства им уже не видать, как своих ушей.

Человек-предатель, это не пчела. Это скорее муха. Он, тоже любит сладкое. Но не только его. Такого человека всё время тянет ещё на что-то, что как-то странно и отвратительно пахнет. Например, на измену, кидок, обман. И совершив этот проступок, он живёт с этим, купается в нем, лелеет его в своем сердце и получает от своего коварства – большое наслаждение. Но, как правило, люди с сознанием мухи, они – маленькие. Людишки. И проступки их – маломерны. Живут они в череде незначительных пакостей. И их предательство уже стало их истинной сутью, сокровенной частью их бытия, их любовью и религией, их тихим восторженным счастьем.

Чуть-чуть обмануть, пренебречь, недовесить, не перезвонить, поругаться на продавца или официантку, пообещать и не выполнить, да просто обидеться и не прощать, или о чем-то важном забыть, или забить на что-то, это всё, как кусочки невидимого дерьма, которое мы оставляем после себя. Говнеца-то нашего не видно, оно же ментальное. Но после нашего присутствия, еще долго может пахнуть. Мы, в этом мире, оставляем свой след. Да. Часто еще пока наш след в виде испражнений. Но это уже след. Это – проступок, но уже почти поступок. Главное здесь не переборщить и не сделать что-то реально дерьмо-глобального. Но у кого-то и это получается. Кто-то же должен быть мухой-царем! Царь-Муха,

звучит гордо!!!

Считаю не совсем деньги или идеология заставляют предавать интересы своей страны. И не всегда секс является главным условием измены в любовных отношениях. И так далее.

Думаю, причина кроется в природе нашего сердца, нашей души. Эта природа, она наша суть и она особенная, она пограничная.

Мы можем, если хотим, быть верными, и тогда нам место, точно не здесь, а в каком-нибудь другом мире, возможно, в некоем идеальном состоянии бытия, в котором мы живем в чистом своем сознании. Живем вечно и счастливо.

Чистое сознание – это наше изначальное положение.

И мы можем, если хотим, изменить свое это состояние чистоты, и войти в настроение измены.

Первый шаг.

Мы сначала должны предать себя. Изменить необходимо сначала себе самому. Необходимо замутнить свое сознание, опьянить себя иллюзией условности и обособленности. Необходимо включить у себя функцию обусловленности. Только тогда с её помощью, нам становится возможным видеть данные миры, которые ярко сверкают миллионами гранями эгоистичного самоудовлетворения. Мы привлекаемся всем этим великолепием, которое направляем только на себя, на своё счастье, на свои наслаждения. Нам, для всех этих наших игр в царстве эгоизма, для полной достоверности

этой искусственной для нас жизни, выдаются специальные, тонкие и грубые материальные тела. И мы уже способны находится здесь, жить здесь и навечно пропадаем, в этих не наших мирах. И мы уже не видим, что все эти сферы бытия, поэтому так и ослепительно сияют, что находятся во тьме. Черный фон, что может быть лучше, чтобы полностью проявить все цвета. Пусть эти цвета, цвета иллюзии. Посмотрите на ночное небо, усеянное миллиардами сверкающих звёзд. Оно – прекрасно!

Мы привлекаемся идеей личного эгоцентричного счастья в состоянии сепаратизма. Мы видим себя – в центре всех миров, и нам начинает казаться, что всё вращается вокруг нас, и что всё создано для нас. И более того. Наши желания превращаются в наши вожеления, в стремления к своему личному индивидуальному наслаждению. И мы всем этим пытаемся манипулировать. Привязываемся ко всему этому. Запутываемся в собственных ложных пониманиях, ощущениях и умозаключениях. И всё! Нам уже отсюда не выбраться. Никогда. И счастье наше спорно. Да, по своей сути мы вечные. Но нас заставляют думать, что мы не те, кем являемся на самом деле. И вот мы уже рождаемся и умираем. Раз за разом. И все, кто нам так дорог, кто является продолжением нашего Я, они тоже, увы, умирают. И еще, мы постоянно – стареем, болеем и теряем. Обязательно теряем всё, что нам так дорого. И наше бытие, это миры потерь, шоков и страданий. А бытие, говорят, определяет сознание. Вот мы поэто-

му, всё время в шоке, вот мы всё время и страдаем. И делаем так, чтобы и все вокруг страдали. Но они и так страдают. Да еще всю стараются, чтобы страдали и мы. Вселенская веселуха, мировое соревнование, кто кому больше сделает. И реально, мы не понимаем что вообще происходит с нами и вокруг нас. И всё это результат предательства себя. Своей изначальной природы. Вот так и начинается великий и благородный путь от неотвратимого исхода до триумфального возвращения.

И сейчас у меня состояние исхода. Мини исхода. Я пытаюсь поменять свою судьбу. Это как говорят мудрые – хочешь изменить судьбу, смени страну проживания. А здесь я меняю и страну и даже целый континент.

Не так давно, я увидел, что и моя жизнь, тоже предатель. Я предаю свою жизнь. Это я понимаю и меня это устраивает. Но оказывается, и моя жизнь предает меня. Каждое прожитое здесь мгновение я – увядаю. Более того. Я почувствовал, что смерть приближается ко мне. И я уже впал пока еще в тихую, но истерику.

И вот я придумал. Может мне на какое-то время обмануть свою жизнь, свою судьбу. Как-то отсрочить свою смерть. Пока не умирать, а еще в этом теле, здесь и сейчас, отредактировать, отформатировать, наконец, модернизировать навязанные мне жизненные программы. Как бы всё стереть и залить новое программное обеспечение. Но не разрушать свою прошлую жизнь, а просто оставить ее в стороне, отойти от

нее подальше и начать жить заново. Уйти и от своего прошлого, от самого себя, и найти себя нового. Ну как бы, железо у моего компа, моё тело, прежнее, а почти вся электроника – новая. Все решил заменить, и схемы, и программы.

И вот я перестал жить в возбуждении. Подумал, чтобы понять, как мне дальше действовать, я должен свой ум привести в состоянии покоя. Тусовки, секс, алкоголь и многое что другое, я убрал из своей жизни. И это было сделать невозможно сложно. Но у меня получилось. Я принял некое отречение от светского шума. На чуть-чуть возобновил практику молитв. Занялся типа медитацией. И вот моя жизнь стала тихой. И я стал видеть и слышать немного больше. И я услышал – зов. Я стал понимать, осознавать, что именно хочет от меня моя судьба. Теперь осталось дело за малым, начать этому всему следовать.

И ещё. Я услышал, как мой Город зовет меня. Я понял. Я его люблю, и он меня любит. Несколько лет назад, я уехал, бросил его, а он без меня жить не может. А я без него – тоже не жилец. Вот он все и притягивает, и притягивает меня к себе своими эманациями, своим влечением ко мне. Да и я его люблю и это, мой Город. И я уже лечу к нему. В его смертельно удушающие любовные объятия.

Все мы находимся в беспрестанных поисках своего счастья. Вот и я его ищу. И возможно это самая главная причина моего отлета. Я хочу быть счастливым. Именно – быть, а не казаться.

Здесь всё было и было всё!

Но я счастья не ощущал. И думаю, что, может, на новом месте я найду свое глубокое тихое удовлетворение. Или наоборот пойму, что как раз дома и было мое счастье, а я это не увидел и не оценил.

Вот такие большие и не очень мысли посетили меня на большой высоте. И я им не сопротивляюсь. Они приходят и... растворяются в моей полудреме безразличия к своей собственной жизни.

Глава 3

В салоне самолета тихо. Все пассажиры, переделав свои дела, как-то разом примолкли. Только тихий гул двигателей и разговоры стюардесс почти шепотом. Я накрылся пледом и предался легкому сну с элементами моих воспоминаний.

Так получилось, что я был призван в армию и воевал, а когда вернулся домой на гражданку у меня «потекла крыша». Я немного лечился – нет, не в психушке, а типа того. В очень дорогой элитной клинике. Вообще то, я думаю, меня должны были расстрелять за один случай на моей войне, но почему-то, вместо того чтобы уничтожить меня на месте, демобилизовали и сплывили в клинику. И когда я был признан за большие взятки докторам и за договоренность о сотрудничестве со специальными службами, почти здоровым, я попробовал вернуться к нормальной гражданской жизни. И понял – не могу. В это время, мои боевые товарищи, или умирали в больницах-госпиталях, или ушли в запой да наркотический

дурман, а кто подался в бандиты, а кто снова вернулся на войну, да и сгинул там.

А у меня поехала голова в другую сторону. Я стал искать Бога. Мне стал интересен Бог. Нет, не определенные религии, секты, церкви, практики и все такое, а именно Бог.

И я предался этой своей новой неизведанной мне страсти. И она поглотила меня полностью на несколько лет. Я стал много читать философию и священные писания, ходить в храмы и на тренинги, ездил по святым землям и местам силы, общался со святыми и ряженными, жил в христианских монастырях и буддийских ашрамах, изучал мантры, тантры, астрологию, нумерологию, мистические практики, магию, и много чего пытался постичь. Несколько лет я провел в поисках Бога. Не нашел. Последнее мое пристанище – Святые Гималаи. Но далеко, то есть высоко, или точнее глубоко, в райские кущи древних гор, в Шамбалу, меня не пустили Высшие. Прожив, всю зиму, отшельником в пещере и практикуя мистические системы йогу, я решил поиски Бога прекратить.

И вот я спустился с небес, точнее с гор, на землю, вернулся в мир и зажил простой человеческой жизнью.

Духовные или религиозные саны не для меня. Да и монах или уединенный аскет из меня не получился.

Все духовное стало не моим и не интересным. В одночасье.

Маятник цикличности моего развития и деградации далеко и непривычно для меня задранный, до высшей точки мо-

его духовного развития на эту жизнь, замер там на мгновение и стал с увеличивающейся силой лететь в сторону материальных чувственных наслаждений и уже на бешеной скорости он пролетел экватор, или нижнюю точку покоя, устремившись к сладостным утехам для моего тела и извращенным впечатлениям для моего сознания. И вот я уже по самое не могу, врехался в гущу мирской материальной, мать её, ирреальной жизни. Понятия Я и Моё, стали мои идолами.

Я вернулся и зажил, нормально и как все.

Духовный экстрим и религиозные приключения мне стали чужды. Все эти самсары, нирваны, йоги, медитации, покаяния, посты, молитвы, причастия – это всё то, что раньше меня неистово привлекало, стало мне каким-то далеким и искусственно мне мной же самим и насаженным не прижилось.

И хотя отцы святых церквей и гуру древних духовных практик беспрестанно пытаются нас склонять в сторону религий и дхарм, обильно, при этом, бросая семена эзотерических практик в наши сердца, раскаленные желанием материального земного счастья, пытаюсь привить нам вкус к воздержаниям, постам и молитвам. Но, приходит сибирь-зима, приносит снега-морозы, и замечает своими метелями все их белые, черные, шафрановые метафизические истины от нашего взора. И у нас, на гостеприимных столах, как ни в чем не бывало, все также выставляются алкоголь и мясо, а веселые слегка пьяные подружки, не отвергающие секс и при-

ключения, готовы здесь же, за углом коридора или в ванной комнате, почти безвозмездно, показать все чудеса местной камасутры.

Так весело и непринужденно проходят наши вечера и ночи.

А по утрам и днем, малой сапой, мы едем-идём-бредём ничтоже сумняшеся.

Немного помятые и с тяжелой головой, спешим заработать на хлеб наш насущный, смутно припоминая вчерашнее застолье, которое закончилось под утром то ли в веселом караоке баре, то ли в сладострастном стрип клубе, то ли в клубах азарта за карточным столом.

И мы уже не помним, как стояли посреди улицы, махали руками и пытались остановить такси, хотя живем в соседнем дворе, и как более трезвые приятели нас запихивали в тачку, говоря при этом, «командир ты уж довези его до дома! Ну, там чтоб все норм было», и «командир» везет, и за щедрые чаевые любезно дотаскивает нас до квартиры.

Но наши мысли не об этом...

И тем более наши мысли не о себе как о душе, а думаем мы о земном, о том, где взять денег, на шубу подружке, себе на новую машину или ломаем голову, куда слетать на дни длинных новогодних каникул, и чтоб и на этот раз, после случайного секса по пьяни, нас снова обошли стороной венерические темы.

Вот и меня. Увлекла, закружила эта простая, но мне род-

ная и понятная, мирская жизнь.

Прошли годы. И вот мне через год исполниться тридцать и в последнее время я стал свидетелем нескольких смертей. Были это друг, знакомая и еще другие, иногда вовсе чужие мне люди. И я, волею судеб, был близок к ним в дни их ухода из этого мира.

И меня эти смерти необыкновенно взволновали. Хотя я видел много смертей на войне, но здесь прям торкнуло, шаркнуло по сердцу.

Я помню, как в моем детстве, при смерти кого либо, ставилась крышка гроба у подъезда, потом шла церемония по улице с оркестром и похоронным маршем и плачущими по найму людьми. И все в округе знали, что колокол звонит и по ним. Так как в гробах несли и стариков, и молодых, и даже детей.

Но сейчас все по-другому. Благодаря расторопным ритуальным службам, мы почти не видим смерть. И уже не слышим похоронного набата. И нам кажется, что мы будем вечно молоды и темы смерти не для нас.

Мы настолько сосредоточены на себе, что не замечаем, как мимо нас на огромной скорости проносится наша же жизнь.

И вот, она, старуха Смерть, «здрате – до свидания».

Блеснет в свете луны лезвие ее косы – вжик и мы уже видим себя на столе патологоанатома. И мы в смятении, раздражительности и недоумении.

Смерть не входит в наши планы, но она всегда планирует нас. Такое вселенское правило – все, кто родился, обязательно умрут. И мы с самого своего рождения, находимся в её, Смерти, списках и календарях.

Но говорят, что у Смерти есть свои обязанности, которыми она не может пренебречь, она, как и мы, узница Времени, и в страхе перед Ним обязана собирать и собирать свою жатву. Хочет того она или нет. Да, все мы, живые существа, похоже, живем здесь, как в тюрьме. Правда и условия зоны бывают разные, есть камеры с удобствами, а есть и без оных. Но всё равно, такое впечатление, что это все какая-то темница. Ну да ладно.

Так вот, из жизни уходили эти люди, и я был близок к ним в их этой кончине. Я увидел нечто или может даже мне это нечто показали специально. Я увидел, что те, которые жили свою жизнь нагло бесцеремонно жестко и эгоистично умирали в ужасе, воняя страхом и болью зло и отчаянно цепляясь за жизнь. А те, кто служил людям или Богу, умирали совсем по-другому. С просветленными лицами, улыбкой на лице и от них исходил аромат свежести, умиротворения и видения своего светлого будущего.

Тогда почему-то я странно осознал, что нет разницы между верующим и неверующим. Все следуют некому единому сверхразумному плану. И все верят в Бога. Все. Без исключения. Но у каждого, свое принятие Бога. У каждого в его сердце живет свой, и только свой Бог, свое личное понима-

ние Его. Видим мы Его или наоборот, делаем вид что Его не замечаем. Но все – верим. И всегда будут нас проверять, я думаю даже не проверять, а замерять у каждого, его личный уровень любви. Точнее – уровень веры, надежды и любви.

И вся жизнь наша жизнь, это цепочка экзаменов и смерть как самый главный экзамен в жизни.

Может, мы рождаемся, только для того, чтобы просто достойно умереть? И возможно некоторые не верующие могут быть ближе к Богу, чем верующие?

По крайней мере, эти мои умозаключения, прекрасно оправдывали меня перед своей совестью, которая мне напоминала о том, что и я когда-то встал на свой духовный путь, а потом с легкостью от него отказался и даже почти всё забыл. И когда уколы в мое сердце бывают сильны, то я говорю совести – «Все следует Его путями, которые неисповедимы, и я тоже следую Его дорогами, которые рано или поздно, но приведут меня туда, откуда начинаются все пути для всех странников. И когда настанет мое время, я обязательно стану праведником или, может, даже святым и всего себя посвящу только Ему!» И совесть моя на время замолкает. Наверное, ей нравятся эти мои умозаключения. Поэтому, чтобы слышать это часто, моя совесть в последнее время все чаще и чаще колет мое сердце подобными терзаниями.

Вот такие эзотерические метаморфозы я стал подмечать в последнее время.

Ну, это если у меня не стали вдруг проявляться мои ста-

рые боевые друзья – какие-нибудь заболевания психики, которые успешно искажают мои восприятие реальности. И теперь, возможно, всякие там синдромы Фреголи или Капгра, мои постоянные спутники.

Хотя теорий мировых заговоров и вселенских двойниковых подмен я за собой не наблюдаю. Но мей би (всё может быть).

Так или иначе, эти реализации меня зацепили. Я задумался. Ко мне пришла уверенность, что я умру в этом году, не дожив до своего тридцатого Дня Рождения, и мне надо срочно меняться. Ну, чтоб достойно встретить смерть с улыбкой на лице, а не отчаянной злобной гримасой. Не то что бы я решил ходить в церковь и расшибить себе лоб в поклонах, молясь и каясь, а решил изменить свое сердце. Моё жестокое, порочное, твердое как камень сердце.

И еще эти сны.

Ко мне стали приходиться необычные сны.

Сны как наваждения.

Сны как видения.

Сны изменили меня.

Глава 4

Я уже сплю. Под пледом мне уютно, тепло и хорошо. Справа где-то далеко за окошечком иллюминатора, проплывает внизу Гренландия. Нас потрянуло. Воздушная яма. Или Время укололо свой палец спицей. Но я проснулся. Открыл глаза. Разносят, предлагают соки и воды. Вот и мой томат-

ный сок. Ммм... Спасибо! Вкусно-то как. Охлажденный томатный сок на высоте почти 10 тыс. км.

Осмотрелся по сторонам. Старушки, моей соседки, вяжущей спицами, уже нет. Возможно, привиделась она мне во сне. Вот только я одно не могу пока понять. Зачем я решил всё так кардинально поменять в своей жизни. Жил то я хорошо. Даже – беззаботно. Пьяно и сытно. Но может у нас еще есть некие долги, долговые программы. За наше рождение, за землю и воду, за свет и за тьму, за воздух, облака, ветра, за горящие над головой звезды! И вот пришло время платить по долгам.

Но я же занимаюсь благотворительностью, соблюдаю церковные праздники, хожу на выборы депутатов и президента, чем занимаю активную гражданскую позицию.

Поэтому, откуда появились эти беспокойства в моем сердце.

Да, всего скорее, что всё началось со снов.

Кому как, а мне сны не снились. Никогда. Возможно, что сны сняться всем, и мне в том числе, и я просто не помню их поутру. Но, так или иначе, я считал, что сны мне не сняться.

А здесь прям наваждение. Стали сниться сны. И сны очень странные. Как видения. И вся проблема этих сновидений была в том, что они наполняют меня и наполняют. Какими-то новыми способностями, реализациями, возможностями. Иногда один и тот же сон снится и снится. В разных интерпретациях, но снится почти одно и то же.

Как наше дыхание наполняет маленький воздушный шарик, и он раздувается и раздувается, и даже может лопнуть от чрезмерного внутри его давления воздуха.

Вот так и сны, как ночное дыхание, входили в меня, и оставались во мне. Вдох есть, а выдоха нет. И с каждым новым сновидением, я как будто бы стал наполняться эти снами, стал раздуваться. Прямо как воздушный шарик. Мне бы научиться стравливать это повышающееся ментальное психическое эмоциональное давление внутри себя, но я, поначалу, этого делать еще не умел.

И вот сны стали жить во мне как новые реальности, а я жил в них. Как множественное расщепление личности. Точнее – я одна и та же личность, но стал жить в параллельных бытиях. Сначала проблем не было. Но потом, наполнив меня до краев, сны стали меня распиравать. Мои тонкие тела, стали испытывать болезненные ощущения. И это стало переноситься на мое грубое физическое тело, на его клетки, ткани, органы и я забеспокоился.

Но ни алкоголь, ни секс, ни наркотики мне не помогали.

И вот я стал искать выход этим снам. Искал и нашел. Я стал писать книги. Ну, сначала просто начал писать страничку за страничкой. Вот какие темы мне сны навевают, о чём они мне говорят, я переношу в свои рассказы, главы, романы.

И как только я стал писать, мне стало легче. При этом, если я очень много работаю над своими текстами, то мне ре-

ально не хватает энергетики снов. Если снов нет, то я перестаю творить – не пишется, и упорно жду снов как вдохновение. Но они подолгу могут мне и не являться. Но потом всё равно приходят и я, когда пробуждаюсь, снова и снова пишу, как заправский писатель.

Начинал, повторяюсь, не с романов.

Первый литературный опыт был рассказ. Приснился мне сон про мою интернет любовь. Ольгу. И я его записал. «Ольга». Вот так называется мой первый рассказ.

Я его опубликовал в интернете и на меня вышло издательство с предложением о сотрудничестве. Заказали книгу. Я написал роман. Мне заплатили и роман был издан и даже стал, немного так, популярным чтивом.

Меня приняли в творческий союз литераторов и это, вроде как, стало моей официальной профессией.

Вот так я стал писателем.

Мной написано и издано уже два романа. И эти романы стали мне как жизненная дорожная карта, но карта зашифрованная. И у меня, появилось четкое понимание того, что моя новая жизнь заключается в следовании уже написанным или еще только создающимся, но моим же книгам. И следовать я должен не букве, а духу произведения. Так мне нашептывает моя судьба.

В настоящее время я работаю над третьим романом. Назвал «Ника Шестикрылый Серафим». Ярко, очень ярко, приснилась красивая девушка, которая лежит на больших

причудливых корнях огромного с шестью ветвями дуба. Она лежит вся такая красивая, и вроде, как и не умерла, а просто уснула, вот как спящая красавица, а я к ней подхожу, беру ее на руки, а вот что дальше происходит не снится.

Поэтому-то, я пока всего лишь написал первую главу, и книга встала.

Не пишется. Сны перестали ко мне являться.

В последнее время снов нет и, как следствие этого, я пока как-то подзастрял в написании своего нового романа. Даже настойчивые звонки и долгие разговоры моего издателя со мной, не плодотворны. Снов нет. И Муза моя молчит.

Не пишется. А может мне просто лень. И эта лень как защитная реакция моей психики на то, что я чувствую, что я всё-таки неуспешный, неталантливый писатель.

И как следствие того, что я не могу и не хочу себе в этом признаваться, честно принять и серьезно проработать всё это, я ушел в упорное тяжелое отрицание, поэтому-то, наверное, в последнее время я начал задыхаться на уровне своих тонких энергетических потоков. Как будто не хватает мне жизненной силы, праны, эмоций, сил и вкуса жить дальше.

Не пишется. Ко мне пришло время отсутствия жизненных смыслов. Время-штиль. Я растерян. Я не знаю, как мне на это все реагировать. У меня случился жизненный застой.

И даже мои функции ума, памяти, мышления, явно подслабли, и сердце, мое сердце, иногда стало сбиваться с ритма. Аритмия! И вообще я выпал из ритма своей жизни. Жиз-

ненная аритмия случилась со мной.

И я всё думаю, размышляю, переживаю – писатель ли я! Может это все блажь?!

Юрист и государственный служащий – профессии согласно двум моим высшим образованиям. Но я ими не стал. А стал я промоутером и продолжительное время занимался шоу бизнесом, организацией концертов и туров звезд зарубежной эстрады. Заработал на этом вполне хорошие деньги. И очень хорошие связи, включая дружбу с мировыми звездами.

Но вскоре, мои музыкальные развлекательные бизнес проекты стали разваливаться. Без каких-либо объяснимых и логически обоснованных причин все стало рассыпаться как карточный домик. А я все продолжал цепляться за шоу-биз и даже перешел на поприще продюсирования музыки, а потом и кино. В этих делах я оказался конченной лошарой и все денежки свои профукал, даже залез в небольшие долги. Ну не более полумиллиона долларов. Не много, конечно, но чувствительно.

Отучился на брокера. Успешно отработал все свои долги на рынке ценных бумаг. Долги отдал и ушел от этой работы. Не мое. Горю я там и чую, что сгорю быстро. Слишком много азарта и тяжелых энергий, денежных махинаций, на этих фондовых и финансовых рынках. Живешь день, а сгорает год твоей жизни. Много зарабатываешь, но и теряешь много. Зарабатываешь деньги, а теряешь судьбу.

И вот теперь я писатель. Прошу – любить меня и жаловать! Шучу.

Ну я понимаю, что я, пока, говно-писатель, который пишет говно-романы, но меня это кормит, поэтому это моё.

Если кого кормит быть палачом, то что тут скажешь?!

Это – его!!!

Кто-то говно-палач, а кто-то, говно-писатель.

У всего и каждого есть свое место в жизни.

И я уже смирился с тем, какой я писатель. И вообще – нет у меня авторитетов в этом мире, нет. Ну, почти нет. Я знаю кто здесь настоящий писатель. И настоящий палач. Может даже писатель и палач в одном флаконе. А все остальные, писатели и палачи, это так, фикция, фиглярство и так далее. Простите меня те, кого из писателей и палачей, я этой своей реализацией обидел, это я так, всё образно, и это просто мои мысли, которыми я не поделюсь ни с кем.

И вот я понимаю, что, не ахти какой я писатель, но я все-таки надеюсь, что явится ко мне, войдет в мою жизнь девушка, которая осветит мою серую никчемную жизнь, своей чистотой и любовью ко мне, и оплодотворит она меня ментально, и я начну в своем сознании вынашивать прекрасные идеи, и на их основе буду писать не менее прекрасные книги, а люди, читающие мои романы, почувствуют себя чуточку счастливее.

Так прекрасно, это людское счастье! Меня греет чужое счастье!

Своего-то счастья у меня нет. Так хоть порадоваться за других.

И стану я в литературе как Толстой или Достоевский.

Но, нет у меня музыки, как нет и прекрасных романов, а есть всего лишь моя почти пошлая бульварная беллетристика.

Рефлексирую?! Возможно!

И вот на сегодня в личном я не дореализован, и от того чувствую в сердце своем, щемящее одиночество. Никого не хочу, не ищу и, даже, если появляются возможности или предложения от девчонок, то я отказываюсь. Все не то и не так.

Такой период целибата в моей жизни. Может поэтому и задыхаюсь. Тяжело мужской энергии без женской – нет стимула для развития.

Женщины дают нам, мужчинам, вдохновения, смыслы и вкусы жизни.

А мне, с моим жизненным подходом на сегодня, только что и остается, дальше быть ментально бесплодным, и жить в печали-тоске и писать свои говно-книги.

О... тоскливые говно книги!

А я ведь пишу о любви.

О любви, о которой мне ничего не ведомо.

Материалы для романа беру из своего дневника. Я вел дневник со старших классов. Вот как вошел в мою жизнь секс, так и стал всех своих подружек записывать.

И к двадцать девятому году у меня в жизни было 499 лю-

бовницы, подружки или случайных партнеров по сексу.

Хорошее число чтоб остановится.

499

Вот я и остановился. Год назад. Решил, как бы начать жизнь заново, с чистого лица. Отказался от сигарет, алкоголя, мяса и решил, что секс у меня будет только в браке. Пока держусь, но всё не просто. Пришла безвкусная жизнь, а моими подружками стали мои книги и книгам своим я не изменяю. У меня любовный роман с моими романами.

Пишу и сдаю тексты издателю. Мне немного платят, но на жизнь хватает. И я планирую. Допишу эту книгу. Издам. И займусь чем-нибудь другим. Так как, положила руку на сердце, я, в глубинах своего сознания, считаю свое писательство – ментальной мастурбацией.

Но пока пишу, на сегодня – я писатель, а роман не идет. Пишется очень трудно, и многое в нем, мне кажется, спорным, неуместным и явно слабым.

Да и мне самому не нравится мой новый роман.

Пишу про девушку и дерево. Ну и что?! Великие же писали, например, про старика и море. И всем нравится. И даже очень. А вот у меня в романе – дерево. Не море конечно. Просто дерево. До моря мне еще далеко. Но зато вместо старика у меня прекрасная девушка.

Но всё не клеится. Что-то я упускаю. Чего-то не догоняю. Я раздражен на себя и обижен.

И в этих сомнениях и некоем бессилии я понял. Я решил.

Мне надо срочно вылететь в Нью-Йорк.

Я обожаю Нью-Йорк! Люблю этот город.

Люблю, а долго там находиться не могу.

Я больше года в нем не выдерживаю, но Нью-Йорк мне всегда давал эмоциональные и творческие силы, он всегда подпитывал меня необычными разворотами своей городской разнообразной и насыщенной жизни, яркой событийностью, которая нескончаемым чередом происходит со мной в этом мегаполисе.

А самое главное: в мою жизнь приходят новые потрясающие люди, которые сразу становятся мне или близкими друзьями, или страстными моими возлюбленными.

Жизнь моя как бы помещается в этот огромный котёл городской, нью-йоркской, уже во всю бурлящей жизни, и я надеюсь, что в этом-то вареве что-нибудь да сварится для моего нового романа.

Ну ладно... пока еще говно-романа.

Но может в этот-то раз я за хеменгуэю немного, и потянет от меня и моих творческих произведений – морем, старостью и рыбой!

Это я смеюсь над собой и над своей завистью к всемирно почитаемым литературным классикам.

Но мне стало не только смешно, но и грустно. Ибо последний раз я был в Нью-Йорке, когда улетал с похорон своего друга и очень известного в мире музыкального продюсера.

Что попусту грустить?!

Решил так решил. Вот чего мне не хватало, чтоб начать жизнь с чистого листа. Улетаю. Навсегда.

Паспорт и виза выправлены.

Денежки есть. Моя будущая книга зовет меня в дорогу.

Взял билеты, со всеми своими попрощался, и вылетел в Нью-Йорк.

Глава 5

Перелет был легкий, а не много сложностей досталось в самом аэропорту Нью-Йорка по нашему прилету. Рейс задержали с высадкой часа на два. Как потом выяснилось, с нами летел Сноуден-старший, отец известного в США беглеца и диссидента. Поэтому в самом аэропорту чувствовалось некая нервозность, которую создавали СМИ и сотрудники спецслужб.

Я прошел паспортный миграционный контроль, получил все необходимые отметки и отправился к выходу. Взял такси и поехал с ветерком к новому своему жилью, о котором мало что знал.

В шоу бизнесе у меня остались хорошие связи. Одна моя знакомая, по имени Лана, предложила помощь пристроить меня по аренде комнаты в Нью-Йорке. Кто в этой теме тот знает, что самому найти хорошее жилье и недорого без знания специфики нью-йоркской аренды квартир и комнат, это сделать почти невозможно.

Лана сказала, что есть прекрасный коттедж, который снимают парни, модели мира моды и они, эти парни, немножеч-

ко геи, и что у них есть одна комната, но нужен хороший человек по рекомендации. И что она за меня готова поручиться.

Спасибо Лана, я не раз спасал и тебя и твою большую красивую кардашьяновскую попу от многих невзгод промоутерской деятельности, ну хоть поручишься ты за меня – и то шерсти клоч.

Кстати, попа у Ланы, очень даже ничего. И я часто, ей, Лане, делал комплименты касательно её великолепной фигуры. Может за эти почти пошлые комплименты Лана мне и помогла, а может за одну случайность.

Эта случайность произошла несколько лет назад, когда у её компании, которая у нас в стране, представляла деловые интересы некоторых мировых звезд эстрады, я купил, пару концертов этих самых некоторых звезд. И это были легенды рока – старинные Deep Purple. Смог над водой... Не знаю про какой смог у них в песне поётся, но я с ними, после второго концерта, попускал дымок.

Дело было так...

Эти концерты для меня оказались успешными, как по финансовой моей прибыли, так и по организационной составляющей. Зритель и артисты были в восторге. Особенно на втором концерте. Крытый супер современный стадион, одна из лучших ледовых арен в Европе, прекрасный звук, хороший свет, 16 тысяч зрителей и крутые легенды рока на сцене. Что может быть лучше живого звука из далеких 70-х годов

прошлого века!!!

Шоу было потрясающее. Бывает же такое, что всё сложилось успешно. И за два концерта я заработал более 100 тысяч долларов США чистыми. Довольные и уставшие я и группа, приехали в гостиницу, хорошо поужинали, и все артисты разошлись по номерам. Я расположился внизу гостиницы. Ну, так. На всякий случай. Типа дежурю.

После полуночи в лобби бар, что располагается в фая, подтянулись фанаты. Дяденьки за 50 и 60 лет с сыновьями и может даже с совершеннолетними внуками. С гитарами, перевязанными лентами в волосах... повеяло рок-н-рольными темами.

Они сначала расположились на диванах, взяли алкоголь и стали обсуждать концерт, молодость и жизнь. Незаметно бизнесмены, политики, рабочие и просто байкеры-романтики без дома и профессий, люди разных возрастов и социальных статусов, за короткое время стали как бы лучшими старинными друзьями.

Вот уже снята обувь, расстелен на полу, директором гостиницы любезно предоставленный ковер, все чинно на него расселись и тихо зазвучали первые аккорды.

И тут... спустились в лобби-бар наши легенды, Иэн Гиллан и вся команда, Deep Purple, явились взору своих фанатов. Компания фанов была небольшая, не более 20 человек, и вот в нее влились Deep Purple.

Кто-то разлил по стаканам виски, кто-то раскурил и пу-

стиль по кругу странно пахнущие явно веселящие самокрутки и дружеское, почти родственное, общение, наполненное акустической музыкой, продолжалось до самого утра.

За большими витражными стеклами, глубокая ночь и моросит холодный осенний дождь, а мы все уютно утонули в теплоте дружеских переживаний чьей-то далекой молодости и прекрасных мелодиях того старого чистого и стоящего, что было, но уже никогда не вернется в этот мир.

Но это всё произошло три месяца спустя. А сейчас я должен уже запускать рекламную кампанию, но у меня ещё нет подписанного контракта, так как к контракту прилагается райдер, а его просто забыли при интернет пересылке прикрепить к основным документам.

Звоню я Лане в пятницу, в конце рабочего дня раскалённого лета. Говоря честно – рабочий день уже закончился. И все нормальные люди в это время или едут домой, или к себе за город на выходные. А я Лану отвлекаю от уже почти выходных удушающего своей жарой летнего дня. И я начал с извинений.

Канючу в трубку, что контракт я получил, а райдера нет. Не дошел. Может, забыли прикрепить к контракту.

А райдер на этих артистов 68 страниц, и он этот райдер будет не слабее самого контракта, его условий.

Прошу ее, «Ланочка, солнышко, выручи, вышлай райдер, а то выходные и праздники, вылетит еще дней пять, а это для нас как катастрофа!»

Она, конечно, снова открыла офис, включила компы и всё мне выслала, фыркнула в трубку, что я ее задержал на 10 минут.

И Лана отбила связь.

А меня от прерывистых гудков, законченного с ней телефонного разговора, прям обдало паром. Я понял, что Лана на меня ну очень сильно раздражена.

Да если честно, положив руку на сердце, я мог подождать и до следующего рабочего дня. Я и сам не знаю, зачем я позвонил ей и напрягал её с этим райдером. Как, блин, затмение, подавай мне этот райдер и всё! Типа принцип – «Что так плохо работаете?! Я вам предоплату уже отдал, а вы мне что?! Даже документы не можете нормально выслать!».

Но вот мне все и довыслали. И за одно и меня подпослали. Ну что же – сам виноват, напросился!

И вот наша прекрасная Лана, повиливая своей не менее прекрасной попой, вся такая модная и с планами на выходные подходит к подземному переходу в метро. А в этом переходе, есть её любимый магазинчик, где она себе покупает покушать на вечер, и уже с любимой едой, Лана едет дальше к своему милому дому, вся такая уставшая, но молодая красивая женщина, почти ещё девушка, которая очень любит вкусненько покушать на ночь.

И вот подходит она к переходу, и только бы ей спуститься в подземку, но под землей раздаётся хлопок и снизу ей в лицо повалил дым.

От ужаса, она так и присела на ступеньки.

Еще минута и из перехода на Лану, как в фильмах катастроф, начинают выползать окровавленные, контуженные, обгоревшие люди.

Теракт.

Мало кто в переходе выжил в тот раз. И если бы я Лану не отвлек на эти 10 минут, она оказалась бы еще одной жертвой этого и так очень печального события. Эпицентром того подрыва как раз и стал её любимый магазинчик.

И теперь на месте этого магазинчика в переходе располагается небольшой мемориал. И люди несут сюда горящие свечи и живые цветы. И висит там список погибших, и Ланы в том списке нет. И, слава Богу, что это так!

Да. Лана осталась и жива, и здорова, и звонила она мне, и благодарила она меня. И стали мы после этого события чуть ли не друзьями. Вот может она и подсуетилась для меня. Приготовила что-то для меня необычное.

Так мне хотелось в это поверить, но я знал, что я буду жить с геями, и как оно все будет, я даже не представлял. Такого опыта в моей жизни еще не было. «Кто не был – тот будет, кто был – не забудет» и как раз через 720 дней заканчивалась моя виза и еще я – в сапогах, точнее в супер модных сапожках.

Осень, однако. Как можно быть не в сапожках?!

И вот я смело, через Лану, выслал оплату за два месяца аренды вперед комнаты и жилье для меня зарезервировали.

Со слов Ланы, дом, в котором я буду скоро жить, распо-

лагается в районе Парк-авеню. И это стык двух городков Виховхен и Юнион Сити. И так как я ни разу не был в тех местах, то мне показалось, что на этот раз жить я буду где-то на окраинах Большого Нью-Йорка.

Место мне сказали там шикарное, с выходом на набережную и парк.

Стоишь себе на высоком берегу Гудзона, а прямо перед тобой раскрываются потрясающие виды на Манхэттен.

Дом хоть и старый, но хороший и соседи у меня будут хорошие. И я тоже хороший. Как все вокруг хорошо и замечательно! Что уже вызывает подозрение.

Где же, где же, ты подвох?

Ну не может такого быть в жизни, думал я, когда всё хорошо.

Всегда, за блистательным витражом скрывается нечто такое, о чём тебе никогда не скажут напрямую и все знают про подставу, но как-то упрямо помалкивают.

Сволочи.

Глава 6

Я вышел из аэропорта и взял такси до своего нового дома. Но встреча с моим жильем меня не очень беспокоила. Я был в ожидании и напряжении, я сгорал внутри, как мне хотелось снова попасть в объятия своего Города.

Это, мой Город и он мне, и друг, и враг. Он мой любовник, мое счастье и моя погибель. Его энергетика как медленный наркотический яд. Большое отравленное яблоко, которое я

однажды надкусил и его сок как сильный судьбоносный приход вошел в меня и всё... я – раб его, а он – мой господин.

Он рыбак, а я рыбка. И он меня поймал в свои сети.

Автомобиль тронулся с места, а я замер на своем сиденье. У меня появилось устойчивое ощущение того, что в этот раз я умру в этом Городе, где-то в темноте, вдалеке от больших улиц и ослепительных реклам, я оставлю своё тело.

Я вроде как все это увидел. Почувствовал. Почуял.

Я это ощутил своей кожей, по которой пробежал холодок предвкушения своей смерти.

Ко мне пришла уверенность, что Город меня полюбил, а я уехал от него, я его бросил. А он скучал по мне, он ждал меня и до последнего верил, что я вернусь.

И вот я возвращаюсь.

Я прилетел к нему на короткое свидание, но Город так не думает и больше он меня никуда не отпустит. На этот раз я так и останусь в нём. И самое странное, что такой расклад меня вполне устраивает и я еду и еду в его объятия. Любовные, но для меня смертельные объятия. И от этого всего понимания роковой неотвратимости моей судьбы я стал испытывать радость.

И вот Город появился как бы сразу и невзначай во всей своей красе.

Да. Это мой Город, и я уже почти в нем.

«Люблю тебя, прекрасное ты мое Чудовище!!!» – крикнул я. И, наверное, вслух и громко, да так, что таксист испуганно

оглянулся на меня и, не поняв моих эмоций, спросил «все ли хорошо».

«Да, все хорошо!», ответил я, и таксист успокоился и прибавил ходу. И мы торжественно с ветерком въехали в объятия этого самого прекрасного Города на Земле, Города Большое Яблоко. Яблоко, надкушенного всеми проходимцами мира.

Я крикнул и думаю, Город меня услышал, он точно меня услышал, мне показалось, что он улыбнулся немного так, смущенно, и, раскрыв свои дружеские объятия, снова принял меня в свои жители.

Я это почувствовал. Мое пустое, убитое и высушенное эгоизмом сердце вновь забилося жизнью.

Что самое крутое для меня в Нью-Йорке? Это его неповторимый запах. Я схожу с ума, когда не чувствую его обонятельных вибраций на уровне дыхания моего подсознания.

Люблю его страстно, почти безнадежно, но он, сволочь такая, отвечает мне взаимностью. Всегда принимает меня как своего самого близкого друга и одаривает меня бесценными дарами счастливого осмысленного человеческого бытия.

Пакистанец таксист жал на газ, а я... я вырубился, уснул. Город усыпил меня. Он стал врачом. Теперь я под наркозом и лежу на операционном столе. Город стал хирургом моей души.

Он достал из меня мое ментальное тело, и пока я был в забытьи, Город стал заново форматировать мое сознание.

Но для начала Город стер все мои старые кармические программы.

Я пустой как сосуд. Что заполнит меня? Свет или тьма? Я не знаю. Что я ищу? Любовь или вождение? Мне нравится похоть, но я ищу и любви. Но, наверное, свет любви не для меня. А что тогда? Тогда что – тьма?

Но когда-то, тьма отвергла меня. Может все сложится на этот раз?

Секс, Секс, Секс...

Половое влечение это, это как соленая вода и жажда. Сколько не пей, но жажды не утолить, и соленая вода станет причиной смерти, а не жизни.

Но жизни я тоже не ищу. Ну, той жизни, которой я жил раньше. Той жизни, где я счастье заменил успешностью, правду – выгодой, сострадание – властью, совесть поменял на коммуникабельность, честь заменил почетом, любовь – деньгами и просто половыми отношениями. Сексом на одну ночь или даже сексом на один раз.

Нет у меня преданности. Нет любовной верности. Нет её, и никогда не было.

Возможно, кто-то скажет, что я живу как не благочестивый негодяй, малодушный человек, который бежит от задач, которые передо мной ставит моя же жизнь. Отвечу, а что мне делать, когда моя нечистота в личной жизни привела к моей же слабости во всех моих делах и начинаниях. Чистота дает силы. Но я скопил огромную гору негативных впечатлений,

и как следствие этого, имею много неблагоприятных влечений, которые раз за разом я с успехом реализую, что и топит меня по этой жизни.

И эти мои мнимые наслаждения, это всё как камни, тяжёлые камни, прикрепленные к моей шее, которые не дают мне даже надежды всплыть и глотнуть хотя бы толику света святой и чистой жизни.

Я-то думал, что занимался сексом с девушками. Теперь я вижу, что занимался сексом со всей материальной природой, со всем этим миром, который я осознаю.

Я хотел иметь всех и вся, иметь и иметь. Выжимать секс, наслаждение или выгоду из всего, что есть в этом моём прекрасном мире, мире потребления, будь то вкусная еда, модная одежда, алкоголь, наркотики, дружеские, деловые или любовные отношения.

Из всего этого, я всё выжимал и выжимал капельки так называемого счастья. Счастье, которое на поверку почему-то, оказалось ядом. Смертельным ядом, который я пил по собственному желанию и за эти ядовитые дозы я платил самым ценным – своей жизнью.

А я всё выжимал и выжимал. Вот мир, незаметно для меня же, меня и выжал, и отжал меня безжалостно, съел меня, сожрал, пережевал, проглотил и высрал. И я, никому ненужное дерьмо, лежу на обочине всеми забытой поселковой дороги и дни мои сочтены. И принято решение меня не добивать – и так сам сдохну.

Но Город подобрал меня. Город вычистил меня полностью и теперь загружает в меня чуждые мне стремления, понимания и программы.

Я всегда думал, что все мегаполисы мира, это, как бы так выразиться не наивно. Города как плод цивилизации, как исчадия ада или сосредоточение грехов. Но в крупных городах теперь живет много верующих и бывают в них святые, со своими духовными миссиями. В городах стоят божьи храмы. В городах проводятся воспевания индивидуальных и коллективных молитв, прославляющие Господа Бога, в городах совершается благотворительность, практикуются духовные практики и многое, что богоугодное происходит в современных городах.

Поэтому в городе как в любом человеческом сердце, есть свет и есть тьма, и Город по его замыслу может даровать тьму невежества или свет знание. Кому и что давать и как именно, он принимает решение сам и только сам.

И вот Город стал загружать в мое сознание что-то странное и чуждое, возможно даже мною забытое или даже то, от чего я сознательно отказался и уже потерял в бесконечности своего бытия.

И я в страхе.

И я всего этого не хочу.

Я отвергаю эти программы.

Это не мое.

Это не мой мир.

Мой мир, это понятный для меня мир – мир привычной для меня жизни на протяжении последних почти тридцати своих лет этой земной жизни.

В моем мире, я уже привык к тому, что Великое Время, как всегда, вытрет о мои планы Свои ноги. Оно бесцеремонно подотрется мной, как прекрасной мягкой шелковистой очень дорогой туалетной бумагой. И я снова стану свидетелем разрушения всех моих начинаний. Таких дорогих мне усилий стать счастливым и успешным в этом мире шоков, потерь и разочарований.

И существовать, как и большинство окружающих меня людей, в роли мученика и неудачника меня это всё вполне утраивало.

Жить, страдая и мучаясь, от обжорства и переизбытка всех ущербных благ современной цивилизации и быть проводником, глашатаем искаженной правды материального мира, это всё – Я, и это всё – Моё!

Но да. Еще помню. Хотя и стал это забывать. Как совсем недавно, Время вроде как стало мне другом.

Но я-то думал, что это была такая шутка. Я не предполагал, что все так серьезно. А можно отказаться? Поздно? Уже приехали? Пожалуйста, верните мне прошлую мою жизнь! Нельзя?

Остановите такси, остановите операцию, в конце-то концов, остановите вы мою жизнь, дайте мне сойти!!!

Поздно, слишком поздно...

Э, барбуджэ-марбуджэ!

Что такое вообще происходит?!

Мне смешно и страшно.

Я в холодном поту, и смеюсь истеричным смехом.

Такси притормозило и остановилось.

Я очнулся. Наверное, приехали. А вот мой новый дом.

Я рассчитался и вышел из машины. Встал у ограды и решил немного отдышаться. Как я не люблю, когда со мной происходит подобная около духовная ерунда.

Такси мистически неслышно отъехало и растворилось в городском тумане. На город опускался вечер. Сумерки уже завладевали городскими улочками. Началось соитие ночи и города, и поэтому пространство стало наполняться сексуальной энергетикой. Пришло время развлечений и сна для мудрецов. Воздух становился влажным, прохладным и немного тяжелым. Стали зажигаться старинные газовые придворовые фонари, и улицы превратились в реальные волшебные места.

А я все стоял и стоял перед дверью ограды и не решался позвонить и войти в воды своей новой жизни. Я не знал, какое волшебство ждет меня за этой дверью. Доброе или злое. Всего, скорее – всего понемножку.

Глава 7

Я стою один в туманных прохладных сумерках, и потерялся во времени и пространстве. Я, прикладывая усилия, чтобы вспомнить кто я, где я и почему я именно здесь и сейчас.

По моей спине пробежал холодок. Брррр. Тело передерну-

ло, и я, как бы очнулся и в поисках тепла и уюта, нажал на кнопку звонка.

– Эй, кто там, ой, сорри, ху из ит? – прошебетал мне девичий голосок из тумана.

– Это вы мне? Это Николас, писатель, я к вам по аренде комнаты от Ланы – крикнул я в туман, и крикнул немного неуверенно.

– Он приехал, приехал, – услышал я голос и шаги в мою сторону – Кать, давай за мной, не отставай, я одна его боюсь.

– Да чего его бояться, на фото он красавчик, да еще и писатель, а мы любим книжки читать – кто-то подшучивал надо мной во мгле внутреннего двора за оградой, – да и сказки на ночь нам не навредят, и, чур, мне он читает первой!

Дверь калитки открылась.

– И за кем право первой брачной ночи со мной? – спросил я

Передо мной стояли две, ну очень, красивые девушки. Стройные и как-то модно по-домашнему одетые.

Это Нью-Йорк детка – дома ходят по последней моде, а на улицу, в люди, одеваются как гопники районного захолустья. Шучу.

– Ну, за мной, – сказала мне прекрасная блондинка

– Или, за мной, – улыбнулась не мене прекрасная брюнетка

– Главное, чтоб не за обеими, а то я не справлюсь, – ответил я

– Шутник!

– Или пошляк!

Ответили девчата.

Я извинился.

Девчонки улыбнулись. Мы поздоровались и девушки пригласили меня во внутрь. Мы прошли по небольшому дворику. Двор показался мне не ухоженным. И я в сумерках и тумане, обо что-то споткнулся, но, к счастью, не упал.

Поднялись по крыльцу и через входную дверь коттеджа вошли в дом, в его холл.

Вот холл оказался большим, светлым, праздничным и пораил своей мраморностью, красотой и просторностью.

При свете я рассмотрел своих новых покровительниц.

Познакомились.

Катя и Ника.

Две, прекрасные как феи красоты, девушки.

Что-то было в них особенное, волшебное. Одна блондинка, другая брюнетка. Они как бы дополняли друг друга.

Катя светленькая, высокая, худенькая, вся такая гибкая и грациозная. Как балерина. Короткие светлые волосы, уложенные в супермодную прическу.

Ника, немного пониже Кати, вся такая фигуристая и ладная, с темными густыми длинными волосами, заплетенными в тугую косу, ну и округлые бедра, тонкая талия, большая грудь, как говорится, по списку также прилагаются.

Обе необыкновенно красивые и по-своему стройные.

А их прекрасные улыбки были для меня и только для меня.

Мы прошли по холлу с верандами и зимним садом и стали подниматься на третий этаж, где располагалась мое жилье.

Вот и мансарда, и моя комната.

Уютно и удобно, все необходимое есть: мини кухня, туалет и душ. Да это почти целая отдельная квартира, студия и эта автономность жизненного пространства меня порадовала.

В углу у стены расположился большой старинный письменный стол. Не понятно, как его сюда затащили, на третий-то этаж, наверное, подъемным краном через окно. Улыбнулся я про себя.

Также в комнате находились большая кровать, диван, удобные модные кресла и стеллаж с книгами.

В мгновение ока я почувствовал себя заправским нью-йоркским писателем. По крайней мере обстановка этому способствовала.

– Ну как, нравится Вам новая комната? – спросила меня Катя. Я вообще почувствовал, что она здесь главная в этом доме.

– А можно мы перейдем на Ты? Да! Очень нравится! – ответил я, – девчат, но мне хотелось бы узнать, когда мы все познакомимся? Насколько мне известно, здесь живут парни из мира моды.

Катя и Ника улыбнулись и переглянулись.

Катя продолжала:

– Хорошо Николас, переходим на Ты, а здесь живут только девушки, порядка восьми человек. Еще девчата есть, которые к нам приходят в гости, или точнее сказать по делам. Сегодня все у себя в комнатах и заняты работой. Завтра у нас, днем или под вечер, здесь уж как получится, мы все соберемся в холле всей нашей компанией и будем знакомиться. Будет накрыт праздничный стол и устроена тебе, торжественная встреча. Великосветский прием, – Катя улыбнулась своей шутке и продолжала.

– Я сразу хочу предупредить, у нас не простая ситуация, и мы еще только примем решение, проголосуем, пускаем мы тебя как нашего соседа или тебе придется съехать, благо запасный вариант имеется. В Бруклине, у моих друзей есть комната, даже целая квартира. Неплохая. Они, семейная пара и готовы взять тебя, сдать тебе в аренду жилье. Но ты нам вроде как нужен. Такая у нас ситуация. Ну и ты будешь думать, после нашего с тобой разговора. Я повторюсь: у нас здесь ситуация не простая, поэтому и ты, и мы, всё сначала обсудим, обдумаем, а потом уже и примем, все окончательные решения. Хорошо? – спросила Катя

– Хорошо! – ответил я

А какие еще у меня есть варианты – подумал я: только соглашаться, кивать голой в ответ и вежливо улыбаться.

Теперь инициативу на себя взяла Ника.

– Вот здесь постельное белье подушки одеяла, туалетная

комната, вот холодильник, там твоя еда, мы знаем, что ты ешь и всё купили для тебя. Кушай, отдыхай, приходи в себя после перелета. А завтра с утра, ну там в десять, одиннадцать часов, спускайся в холл, я тебя буду ждать. Мы пойдем гулять, и я тебе расскажу, что тут у нас и как вообще, введу в курс наших дел.

– Ника!

– Что?

– А у тебя есть Шестикрылый Серафим? Покажешь его мне завтра? – спросил я, вспомнив свой роман.

– Извини, не поняла.

– Хорошо, спасибо девчат, все мне ясно, буду располагаться. Тогда что?! До завтра?!

Мы пожелали друг другу доброй ночи, на что девчата улыбнулись и сказали мне, что добрая ночь им точно не помешает.

И они вышли. Точнее стали выходить и Ника, в дверях, развернулась, как-то с нежностью доверием искренностью посмотрела на меня, посмотрела так, как будто приглашала к отношениям и сказала:

– А вообще по паспорту я Ангелина, родители зовут Ангелом, Алей, Алиной, но для всех и для тебя я Ника. Хорошо?! Ника-Ангел, это мой рабочий ник в сетях. Всё расскажу тебе завтра.

– Хорошо – опешил я – надеюсь, вы не группа хакеров и нас уже этой ночью ФБР или ЦРУ не будут брать штурмом?

– Всё-таки, шутник, а не пошляк, – улыбнулись девушки и закрыли за собой дверь.

И остался я один. Прошелся по комнате, сел на краешек дивана, а по моей коже бегали мурашки и меня трясло, как в лихорадке. Ай да Нью-Йорк, ай да сукин сын!!! Ника Семикрылый Серафим, Алина, Ангел, Ангелина...

Я просто уже уверен в том, что роман напишу! Сделаю его в двух книгах. И название уже есть. И чувствую его содержание, как оно где-то рядом. И вот-вот канва романа войдет в меня!

И останется дело за малым. Вот прямо здесь за этим столом и в короткие сроки. Я сяду за этот прекрасный старинный письменный стол и выплесну через кончики своих пальцев строки. И эти строки, эти мои литературные оргазмы, лягут на пустые белые как снег страницы, и наполнят мою книгу небывалой мудрой сутью и любовью! Это уже будет настоящая книга, а не говно-роман!

Я почувствовал себя творчески беременным, ну очень – очень беременным.

Разложил вещи, принял душ, переоделся. Покушал. Убрался. Навел за собой порядок.

Сел на кровать.

И только сейчас я понял, осознал, что я как бы переместился во времени и пространстве. Ясно почувствовал, что нахожусь в новом месте и в новой жизненно ситуации.

Правильно, значит, говорят мудрые: хочешь изменить

судьбу, смени страну проживания.

И я вижу, что старая судьба уходит, а новая стоит на пороге моей жизни.

Мне требуется перезагрузка.

Мне нужен сон. Просто жизненно необходимо мне вот сейчас поддаться этому чувству усталости. Лечь и закрыть глаза.

И вот мои сознание, ум, разум, мои чувства перестают справляться с нахлынувшими на них событиями. Мои способности восприятия жизни стали угасать и потихонечку отключаться. Как в кинозале гаснет свет.

И сон уже накрывает мне лицо, расслабляет моё тело. И я лёг. И уснул. Уснул сразу и крепко, как будто провалился, ушел под лед, в тёмные воды своего подсознания. Я в одно мгновение пропал для всех и вся.

Сон.

Сон, это как смерть.

Смерть это и есть сон.

Усыпаешь в одной жизни.

Смерть – сон.

Просыпаешься уже в другой.

Вот и я, усну одним, а проснусь совсем другим человеком.

Я поддался сну.

И сон завладел мной.

И я был бесцеремонно изнасилован моим же сном.

Сон усыпил мой разум. И родились чудовища.

И пришли они ко мне, мои любимы демоны и стали они говорить и играть со мной в понятные только им игры.

А я спал.

Крепко спал.

И сон мой был как анабиоз разума, как психоэмоциональная, тяжелая кома.

И мне снились сны. И были эти сны как явь.

За окном моей комнаты, вдали, за рекой, во всем своем великолепии, простирался Нью-Йорк Сити, ночной Манхэттен, весь в своем величии и неопикуемой притягательности. Город завораживал своими видами, своей грациозностью, манил своими огнями, как бы приглашая меня отправиться в увлекательное путешествие по мечтам моей жизни.

Огни большого города – теперь бы я понял эту фразу.

Но я спал.

Я спал и уже поплеывал с высока, сидя на крыше небоскреба, свесив свои ноги и немного побалтывая ими вперед и назад. Я сидел и смотрел на Город и не видел его, так как глаза были прикрыты пеленой ошибок, иллюзий, самообмана и других мне очень дорогих моих несовершенств.

Нет стен, окон, мебели и каких-либо границ.

И во круг меня Город.

И живет он своей ночной жизнью.

И это самый прекрасный Город на земле.

Работает ночной общественный транспорт и такси, много туристов, спешащих насладиться потрясающими видами;

шкварчат, шипят и потрескивают приготовлением кулинарных шедевров кухни кафе и ресторанов; открыты для посещения ночные выставки и экскурсии.

Нью-Йорк не спит. Он даже никогда не дремлет. Он всегда голоден и в состоянии охоты. Любой, кто на миг зазеваётся, будет неминуемо им пожран. Да – это так! И никто и никогда не найдет останков этого неосмотрительного бедолаги. Был человек – оп! и нет его, как будто никогда и не было.

Будьте очень осторожны с Нью-Йорком.

Нью-Йорк это и бесконечные каменные джунгли, и самый опасный хищник в этих же джунглях. Это огромное хищное и очень разумное животное. Да, оно прекрасно, но мораль ему не введена. Город знает только чувство неутолимого голода, и Город глотает и глотает людей десятками, сотнями, тысячами. И ему все мало.

Вот и меня он проглотил. Теперь я в нем. Теперь я по-настоящему счастлив! Потому что всех, кого он пожрал, он же всех их одаривает своими бесценными дарами.

Город как добрый могущественный волшебник, делает обыденную серую нашу жизнь, какой-то необыкновенно яркой и насыщенной.

Город как заправский иллюзионист всё дарит и дарит нам что-то ценное.

Но его дары – иллюзия, он дарит то, чего нет и быть не может.

Жизнь мегаполиса, это бесконечная ярмарка чудес на ко-

торой Город забирает у нас наши жизни, а взамен выдает нам горсть битого мутного грязного стекла.

А мы?! А что мы.

А мы испытываем при этом неописуемый восторг.

А, может, мы когда-нибудь проснемся!

Вряд ли.

Я так не думаю.

Я даже не надеюсь на это.

Сон мой сладок.

Я сплю как младенец и вижу сны, один прекраснее другого.

Я сплю и просыпаться даже не планирую.

Я сплю, а мои прекрасные демоны не спят, они всё потрясывают и потрясывают мое подсознание и достают откуда много чего сказочного, того, что накопилось у меня за череду бесконечных рождений и смертей. И вытаскивают из него всё новые и новые видения и галлюцинации. Они достают мои желания и наполняют их своей энергией мотивации. Спасибо что вы есть, мои дорогие и любимые демоны. Ведь вы и есть я сам.

Вы – мои отождествления и ошибки, вы – мои страхи и предательства, вы – источники моих страстей и слабостей, источники моих самых неблагоприятных желаний и поступков.

Но я на сто процентов уверен в том, что у моих демонов есть и светлая сторона. И их всегда в одно мгновение можно развернуть или, точнее сказать, трансформировать в раскры-

тие моих же талантов и добродетелей и тогда демоны превратятся в ангелов. Я даже не уверен в этом, а я знаю это. Когда-то я так и сделал: развернул своих Ангелов спиной, и превратились они в Демонов.

Я так их и называю. Ангелы Любви и Демоны Вожделения.

Наивные прозвища, но я же никому не рассказываю про них, а то так можно и снова в клинику загреметь.

Когда-то я любил Ангелов, возвращал их в своем сердце, поклонялся им. И их стало слишком много. И мне это стало не интересно. То ли я еще не готов к любви, то ли свет не для меня. А может тот свет был всего лишь отблеском моих лицемерий и иллюзий. Так или иначе, но я попросил Ангелов своих развернуться.

И обернулись Ангелы ко мне спиной, и увидел я их в облике Демонов.

И свет во мне стал постепенно гаснуть.

И сердце мое стало тускнеть и превращаться в камень.

Вот и сейчас в моем сне свет становится все тише и тише и скоро-скоро начнется фильм.

Ну что ж, я уютно расположился в удобном кресле своего кинозала и с нетерпением жду показа очередного фильма, название которому – «Моя новая жизнь!».

Ну, вот и реклама прошла. Начинайте же показ!

Пора!!!

Жду!!!

Демоны мои, вы уже проявили во мне, все следствия моих прошлых поступков, умонастроений и стремлений, и вы уже разыгрываете со мной те партии, те игры, которых я достоин и тело мое и мое сознание – вот единственное поле деятельности для меня как для души. Все виртуально, но кажется мне явью.

Зову я их. Кличу.

И Демоны, мои любимые Демоны, они приблизились ко мне и усыпили меня еще один раз. Усыпили меня в моем же сне. Потом еще, и еще, и еще.

И привиделись мне миллионы снов, и живу я во всех этих снах одновременно.

И принимаю я всю эту иллюзию на истину.

Вот теперь я – готов!

Я точно – готов!

Развлекайте же меня!!!

Развлеките!!!

Глава 8

«Сегодня ровно 9 месяцев как не стало Ники.

Вот вспомнил, как мы провели «кремацию её тела».

Под покровом ночи, шайка-лейка из девяти человек, восемь девушек – её лучшие подруги и я – главарь банды ночных налетчиков, крадучись, шли по ночным улицам проулкам-закоулкам, вооружённые до зубов пилами и ножами. Я нёс стремянку.

Вот и Серафим.

Я полез на дерево, а девчата стояли на шухере.

На стремянку, перешел на ствол, по веткам добрался до его верхушки.

Прости Серафим, но каждый в этом мире приносит свои жертвы. Кто здоровье, кто молодость, кто денежки, а кто свою жизнь кидает в жернова судьбы.

Судьба перемалывает всех и вся, святых и грешников, ангелов и демонов, людей и нелюдей. Никто не уйдёт от своей Судьбы, от Провидения.

Вот и меня Провидение вынуждает подпиливать макушку такого старого и прекрасного дерева. Я знаю, что Ника была бы против. Она любила своего Серафима. Но кто сейчас её спросит. Абонент не доступен. Навсегда.

И вот дерево как бы вздохнуло, издало звук треска, и макушка упала на землю. Девчата быстро её подобрали и принялись упаковывать ветвь в большие чёрные пакеты для мусора. А у меня защемило на сердце, и сверхагрессивное отчаянье завладело моим сердцем.

Я взялся за ветки и стал просто выть в чёрное небо, которое смотрело на нас всех через свою красоту бескрайней бархатной черноты, в которой празднично мерцали звёзды. Всё это природное великолепие ослепило и оглушило меня моим же гневом. Я не был со всем этим согласен – с этой гармонией и счастьем, окружающими меня. Мне же очень и очень плохо, а вокруг такая благодать! Я не выдержал и завыл. Я всё стоял и стоял в кроне дерева и очень громко

стенал. Как тупая грязная уличная собачонка в своём голодном, холодном, бездомном отчаянье облаивает прохожих и кажется агрессивной. Но на самом деле она ищет защиты, тёплого и сытого спокойного счастья.

Почувствовал, что в меня чем-то кинули, точнее, попали в меня. Не больно, но чувствительно.

–Эй, Николас, ты, что там застрял и стоишь в тишине, как статуя...!!! – кричали мне шепотом снизу девчата, – Давай слезай и валим отсюда, пока полиция нас всех не загребла. Блин, то, что мы сделали, тянет на условный, но уголовный срок!

Я опомнился. Значит, мне показался мой озлобленный и отчаянный вой.

Слез. Отряхнулся. И мы взяли все свои пожитки и пошли до дому.

Мы, сделав свое тёмное дело, и уходили в темноту.

Добрались до своего коттеджа без приключений.

Погрузились в автомобиль и тронулись в путь.

К рассвету мы добрались до далёкого дикого океанского пляжа.

Развели огонь и сожгли макушку Серафима.

Примерно так, чтобы было пепла около трех литров.

Пепел засыпали в погребальную урну, и через три дня отправили «прах» Ники в далекую страну, в маленький городок провинциального захолустья, к её бабушке и дедушке.

Настя, белокурая девушка с чуть пухлыми губами, взялась

сопровождать урну. У неё заканчивалась виза, и она всё равно уже готовилась к отлёту и, к тому же, она была соседкой Ники и её лучшей подругой с детства.

Мы скинулись на похороны, ну чтобы были какие-то деньги старикам Ники на их, теперь уже, одинокую старость. Не много, десять тысяч долларов, но для их города-деревни, где на 100 долларов можно беззаботно жить целый месяц, это хорошие деньги.

Мы надеялись, что Насте поверят, что в урне прах Ники, так как каких-либо внятных документов, свидетельствующих о ее смерти, мы, понятное дело, предоставить не могли.

А то, что Ники уже нет в живых, это мы все знали.

У Ники остались только бабушка, дедушка и маленький братик. Отец Ники умер, когда мама Ники была ещё беременной её младшим братиком.

А сама мама...

Она часто летала в один из курортных городов, как она говорила, подработать официанткой. Улетала на месяц, там работала и прилетала домой уже с финансами. Да с такими, что этих денег хватало содержать всю семью в течение года.

Вот и два месяца назад она улетела. Позвонила из аэропорта Нике и сказала, что всё хорошо, что добралась без приключений и... пропала. Целый месяц от нее не было ни слуха, ни духа. Ника через инет наняла частного детектива, а сама, увы, погибла, не узнав того, что раскопал этот сыщик.

Мама Ники умерла через два часа после своего последнего телефонного разговора с ней.

Оказалось, что мама Ники была наркокурьером и перевозила наркотики в своем желудке. Один из контейнеров под действием желудочного сока у нее стал растворяться и сильно действующие препараты попали в организм. Смерть её была мучительной, но быстрой. Час и мамы Ники не стало. И Ника про это уже никогда не узнает. А что будет знать про Нику и её маму младший брат, нам не ведомо. Мальчишке пока всего пять лет.

Мы проводили Настю в аэропорт. Видели, как она садиться в авиалайнер, помахали ей вслед и поехали в коттедж.

Коттедж опустел со смертью Ники, и я, чтобы просто не сойти с ума, пригласил пожить в нём девушек, с которыми Ника была близка и с кем дружила. Набралось восемь девчат. Сколько в доме спален столько и девчат.

А я съехал. Снял квартиру в другом месте, вдали от суеты и этого коттеджа. Наш с Никой дом располагается на берегу Гудзона в Нью-Джерси. А я себе снял весь второй этаж дома в поселке на окраине Бруклина.

«Морские Ворота».

Так называется это мое новое чудесное место, для моей новой и, увы, не чудесной, жизни. Поселок несколько сотен домов, утопающих в цветах и тишине.

Федор и Елена. Супруги-латифудисты, как я их называю. Прекрасные люди и мои новые хозяйева, сдали мне по при-

емлемой цене весь этаж своего прекрасного, уютного и ухоженного дома.

Я въехал в новое жильё и понял, что буду писать книги. Мне надо выговориться. Перенести всё то, что со мной случилось в форматы печатных редакторов, а иначе мне просто не пережить все те события, которые на меня обрушились за последнее время.

А девчонки в моём коттедже организовали какой-то бизнес. Бизнес по интернету. Получилась у них такая «Коммуна имени Ники».

Живут, работают, платят мне аренду.

Значит и я латифундист.

И я стараюсь наладить свою жизнь. Мою жизнь без Ники.

Я очень и очень стараюсь. И может у меня получится. Время покажет.

А?!...»

Глава 9

Наверное, моё Время и сейчас в эти самые мгновения невидимо, незаметно, но упорно и не переставая, всё плетёт и плетёт из нитей моих помыслов, желаний и поступков кружева моей будущей жизни, и половина моего погребального фриволите-костюма уже пошито. И я это чувствую по началу циклов возрастных жизненных кризисов.

Но я не думаю об этом Я за письменным столом, смотрю в открытое окно. Написана ещё одна глава романа, но она пока в черновике, и я оторвал свой взор от ноута, сижу и люблюсь

слегка глянцевым, открыточным видом на Нью-Йорк.

У меня третий этаж большого коттеджа, который по-царски расположился на самом берегу реки Гудзон. Перед домом палисадник, потом забор, пешеходная дорожка, проезжая часть, далее небольшой парк, далее большой обрыв высокого берега, внизу проходит трамвайная ветка, пирсы, береговая зона и сама река. Ширина реки один километр. Примерно.

А вот за рекой – Манхэттен.

И с высокого берега, да ещё третьего этажа и в солнечную погоду, картинка просто завораживает. Поговаривают, что привлекательные виды из окна продлевают жизнь человека на 5 лет. И, если это так, то мой вид из окна точно лет 15 прибавит к моей жизни.

Оторвите-ка рукав да пару карманов от моего наполовину пошитого похоронного костюмчика. Я чуть-чуть продлеваю себе жизнь тем, что просто смотрю в свое окно!

Проснулся рано, сказала большая разница во времени. Дома время уже к обеду, а здесь еще только начало оглушающего своей чистотой и тишиной утра. Первое мое доброе нью-йоркское утро.

Еще лежа в постели сделал зарядку по системе тибетских лам.

«Лама дочь и лама мама».

Встал с постели, размялся, выпил минеральной воды и отправился в душ. После душа мини кофе-машина выдала ча-

шечку прекрасного эспрессо с золотистой пенкой пьянящего вкуса и ароматом жизни. Только после кофе посмотрел на время, а на часах натикало всего около семи утра.

Рано. Тишина. Наверное, ещё все в доме спят.

Решил сесть за этот старинный письменный стол, открыть свой писательский ноутбук и начать новую главу романа.

Минуло четыре часа. Глава черновика окончена и пока не знаю, доволен ли я ей.

Перечитаю вечером или завтра утром. Если понравится, оставлю как основу и начну переписывать, дорабатывать, подвергать неоднократной собственной цензуре и редактуре.

А если не понравится... также оставлю в жизни эту главу и с ней всё сделаю, то же самое. Нравится, не нравится. Разве Я пишу книгу?!

Выплеснув на страницы свои мысли и эмоции, мной почувствовалась некая ментальная усталость и пустота. Захотелось выйти из дома с целью наполниться новыми впечатлениями. Ходить-бродить по родным местам, просто улыбаться людям, встречать знакомых и спрашивать их как они проживают или просто желать всем хорошего дня.

Но, я в тысячах миль от родины, поэтому, пока просто сижу и смотрю в окно, а вдалеке, через километровую воздушную бездну, видны последние этажи центра Нью-Йорка, его небоскрёбов, над которыми, в пронзительной синеве, летают вертолёты, самолеты и парит одинокий, огромный воздушный шар с прикрепленным развивающимся многометровым

полотнищем, всем и вся гласящим большими буквами, что, что-то там – «ад!».

Кого-то или что-то критикуют – подумал я.

Мда...

Если уж критика, то обязательно она должна размещаться на воздушном шаре! Узнаю тебя, о «великий и ужасный» Нью-Йорк!!!

И я не сдержал улыбку. Только сейчас до конца осознал, что я уже в Нью-Йорке и моё сердце сладостно защемила радостная истома.

А за окном уже чувствуется жизненное бурление-кипение нового дня. Солнечно, а на моем сердце вдруг сделалось пасмурно и немного тоскливо. Я чувствую узлы в моем сознании, некую запутанность и неопределенность своего будущего, что вызывает тревожную озабоченность и даже подавленность моего настоящего бытия.

Есть мнение, что мы действуем в этом мире своими желаниями.

И коучи, как мудрецы и наставники современного мира, искусно манипулируя нашим сознанием и вводя нас в искушения и лукавosti современных интерпретаций осмысления своего жизненного предназначения, говорят нам о том, что нужен, необходим каждому человеку, список его желаний. Чтоб знал человечие, чего он хочет, понимал, к чему ему стремиться, и настойчиво требовал, согласно своему списку, от жизни то, чего он желает.

И все наши желания будут исполняться.

Я как-то смотрел смешной секретный фильм. Часть правды в нем есть. Хотя сам фильм и дурилка картонная.

Да и сами эти новодельные гуру современной психологии, иногда, ну как дети малые!

Некоторые из них просят нас написать сто своих хотелочек и носиться с этим списком, как со списанной торбой, распахивая ближних своих локтями, по-тихому попинывая впереди идущих и поплеывая через плечо на отстающих, гордо задрав свою голову и не оглядываясь идти и идти дорогами своей жизни.

Но вот незадача, рано или поздно оборвется же жизнь и, как правило, внезапно и неожиданно приходит наш конец.

И вот, где-то в темных ночных, холодных и запутанных переулочках-закоулочках нашего земного пути подойдут к нам лихие черные людишки и заберут нашу шинельку – наше тело.

А мы что, что нам делать?!

И дальше не сдаваться?

Ну как же, списочек-то, вот он, и не исполнен до конца!

И что нам теперь всё также с безумным завидным упрямством носится со своим списком своих же желаний и дальше чинить беспокойства окружающим? Но тогда мы загремим в тела призраков и приведений. И не будет нам упокоения. Пока нас совсем не упокоят какие-нибудь патриоты-экзорцисты!

Думаю, вечером перечитаю Гоголя, ибо в голове моей полнейший гоголь-моголь и «голландский адвокат».

Гоголь ты Гоголь, ревизор ты наших душ! Люблю Гоголя!

Я грустно улыбнулся и подумал.

А списочек всё-таки надо накалякать.

Так, на всякий случай.

И первым пунктом прописать, что прошу, дескать, жизнь задать мне координаты и векторы моего нового бытия, о чём мне терзаться и к чему стремиться, над чем страдать и о чём вопрошать.

Вот Ника очень понравилась.

Хорошо бы, хорошо, как раз она, пусть и на время, но стала проводником в мою безвременно угасающую жизнь животворящих энергий.

А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

И я снова направил свои мысли к черновику романа. Сижу, выписываю новую тему, возможно новую часть романа или даже его другую книгу. Пока не решил, но тема, что говорится, пошла. И вот, главный герой вступился за справедливость и его за это немного порезали уличные хулиганы. Он выходит из больницы...

И вот в самый разгар творческого вдохновения, в мою дверь постучали.

Глава 10

Раздался стук, и я вздрогнул.

– Молодой человек, вас ожидает прекрасная девушка, а

вы всё не идёте и не идёте к ней на свидание!

– Ника, ты?

– Да, я!

– Заходи дорогой!

Ника зашла и в дверях воскликнула

– О, да ты уже работаешь!

– А ты всё говоришь со мной, когда ты в дверном проёме, ещё и не вошла, но и не вышла, но уже начала разговоры со мной разговаривать.

– А ты как заправский янки – на вопрос отвечаешь вопросом!

Какая она. Красивая. Дерзкая. Искренне говорит невпопад и очень мне нравится.

Мы улыбнулись. Мы «снюхались» за одно мгновение. Может быть, это произошло ещё вчера при нашей первой встрече. Но это понимать мы стали вот только сейчас. Поняли, но ещё не приняли. Ещё только-только начали это осознавать, что возможно в каких-то далёких тех жизнях мы искали друг друга, может не находили, а возможно всё наоборот и совместно пройдены десятки дорог и теперь мы ещё только-только приглядываемся, пытаемся что-то вспомнить и кого-то узнать. Да. Всё в этом мире синдромно. Дежавю.

Думаю, что влюбляться в друг друга с первого взгляда и неотвратимо могут только те люди, которые имеют глубокие кармические корни с прошлых своих жизней. Там, когда-то они встречались, общались, имели яркие, и, возможно, не

всегда добрые отношения. И тогда накопив воз и маленькую тележку неразрешенных споров, конфликтов, претензий и в тоже время в подсознании обусловленные непреодолимым взаимным влечением, почти в высшей форме этой привязанности, проявленной как неприязнь, встречаются люди и пока не понимают, что несут друг другу – счастье или страдание? И им бы сломя голову разбежаться по разным сторонам света, но куда там. У них притяжение, гравитация. Они уже захватили друг друга, как два космических объекта, которые неотвратимо сближаются.

И им, в этой их жизни, как огромный аванс, дается любовь.

Любовь, как хорошая основа всё дорешить, довыяснить – как говорится, «по любви, да полюбовно».

И вот он – ресторан жизненных событий открыт: столы в белых скатертях, а влюбленные, любовники, как два прекрасных, вежливых и вышколенных официанта. Но они же и посетители ресторана. И как на телевизионном ресторанном турнире меняются они попеременно местами друг с другом – кто официант, а кто посетитель и наоборот. И выдает им кухня судьбы то, чего они и не заказывали и вежливо приносят они друг другу «прекрасные» блюда, такие как обиды, разочарования, взаимные упреки, разбитые сердца, прожитые понапрасну жизни. И какое счастье – в конце платить не надо. Всё уже наперед оплачено. Даже на следующую жизнь немного хватит. Кушайте с удовольствием и приходите к нам

ещё.

Вот и мы с Никой смотрим с нежностями и надеждами друг на друга, и пока не понимаем, насколько будет сладостно наше счастье-несчастье и как горько будет наше же несчастье-счастье!

Я вздохнул и, примерив на себя растерянно-учёный вид, сказал:

– Да, пишу понемножку, вот утром осилил главу. Начал работать, творчески обживаю этот прекрасный письменный стол. Я не сильный писатель, поэтому в моём случае главное писать постоянно, чтобы почти каждый день, но писать, а когда я не пишу, например, болен или в дороге, то я стараюсь думать про свою книгу, размышлять. Это уже у меня третий роман. Две книги изданы, а вот эта ещё в работе.

– И о чем поёт ночная птица? Ну, в твоём случает – утренняя!

Она спросила. А мне захотелось, чтобы Ника стала меня уважать и любить за то, что я писатель. Какая глупость! Так думать. Но когда мне очень нравится девушка, я, как и все парни, становлюсь придурком. И так в жизни мудростью не блещу, а в состоянии своей влюблённости и подавно – дурак дураком.

И я стал говорить о новом романе. Вообще-то, то о чём я ей рассказываю это не совсем то, о чём пишу сейчас. Просто на меня снизошло вдохновение опутать эту девушку, почти ещё девочку, оплести её своей значимостью и мудростью.

Чем-то удивить и покорить её сердце. А может, этим разговором я уже размышляю над новыми поворотами своего романа. Как заправский и профессиональный юморист и сатирик, читаю публике со сцены свои новые произведения, показываю эстрадную репризу, а в зале сидит автор – слушает и смотрит реакцию зала. Потом всё будет переделано не единожды, отрепетировано и через год появится на свет ещё один хороший смешной мудрый номер, который запишут в большой юмористической передаче и покажут по телевидению многомиллионной аудитории.

И моя память на мгновение унесла меня в далекие края моей прошлой жизни.

Когда-то, я в качестве промоутера работал с мировыми звездами эстрады и был дружен с одним прекрасным человеком и талантливым артистом, всенародно любимым юмористом. И мы, как друзья и братья по шоу бизнесу, часто ездили вместе по его гастролям. По правде говоря, я эти гастроли, и организовывал, и я же с ним и ездил. Всего мы проехали около 420 городов и где только не побывали. Я был этому артисту и другом, и шофером, и импресарио, и кем только не был, готовил еду, стирал, гладил, убирал, сидел за пультом, следил за светом и звуком, ругался, дрался с некоторыми директорами концертных залов, ибо они воровали наши деньги – часть наших кассовых сборов, а на их сленге это звучало, что и им надо немного заработать.

Иногда у нас были туры по полгода, а это не только очень

утомительно, но почти безысходно. И чтобы хоть как-то разнообразить нашу с ним гастрольную жизнь, мой друг артист стал меня вытаскивать на сцену. И было это очень смешно потому, что у меня получалось юморить, зритель меня принимал на ура и овации! Вот так в его программе появилось несколько и моих номеров.

И мой друг говорит – «Давай из тебя артиста-юмориста делать!».

Ой, не моё это братцы, не моё.

Я отказался. Мы поссорились и уже несколько лет вообще не общаемся. Вот и все превратности артистического братства.

А я всё говорю и говорю и уже не о своей книге, а о прошлой жизни, а Ника всё слушает и слушает. Она уже давно сидит в уютном плетеном кресле и пьет кофе.

– Мне нравится идея, что кто-то запросто может быть писателем, – вздохнула Ника, сказав это полупшепотом.

Я угадал её мечты, её самую сокровенную мечту:

– А я вот думаю – ты могла бы писать книги, – начал я, встав к ней вполоборота, почти спиной, чтобы боковым зрением видеть её, а она не могла считывать моих замыслов и эмоций, так как я уже по серьёзке начал игру, тонкую и милосердную, но всё же игру, игру в любовь.

Где же ты, где, старина Бёрн, со своим транзакционным психоанализом, не оставил бы ты от меня сейчас и камня на камне. Ибо пока у меня время камни разбрасывать. Но ни

чего. Настоящая веселуха начнется, когда я эти камни начну собирать, искать, находить и кидать в свою суму жизненного опыта, тяжелые камни-смыслы своего бытия и так бездарно прожитой собственной жизни.

Возможно, мы, писатели, пробуждаем к жизни смыслы. И весь мир от нас этого ждёт. Это наша миссия. И все мы немножечко толстонутое. Это наше. Быть нищими или страдать, но давать миру прекрасные возвышенные причины и обоснования нашего бытия. А если мы сыты, зажиточны и живем в комфорте, в современной интерпретации – успешны, то нам уже не до смыслов, и мы, как у Чехова, того и гляди хрюкнем в одеяло.

– Хрю!

– Что?

– Я говорю, что нет в современном мире настоящих страданий, возможно, поэтому и нет настоящих писателей, а так. Писать может каждый, если он этого хочет и, тем более, сейчас. В наше время пиши и публикуй в инете, вот и все.

– Но как же? Как же? А если ты плохой писатель? – вопросительно стала возмущаться Ника

– Говно-писатель, который пишет говно-романы?

– Ну да!

– Так я говорю про человека, который хочет писать, делиться с читателем своими мыслями, обсуждать с людьми волнующие его и их темы. Ну а если человек хочет стать, например, Достоевским или мега успешным богатым блоге-

ром, это уже просто амбиции, а амбиции, это всегда диагноз, я так вижу.

– И что ты еще видишь?

– Ну, я вижу, что сейчас говорю с одной из самых, а возможно, и самой красивой девушкой на этой планете. – Играть, так играть, ставки повышаются.

– Я согласна с тобой и в этом! Ну что, идем гулять, ты готов иди со мной, с самой красивой девушкой на планете?

Ставки сделаны и ставок больше нет. У меня выпало, и я сорвал куш.

И вот мы выходим из моего нового жилья и спускаемся вниз, а я думаю:

Эх Ника, Ника, ты просто супер какая красавица. Белая упругая кожа, здоровый румянец на щеках, чёрные густые шелковистые волосы, заплетённые в косу, которая до самой попы, тонкие дуги соболиных бровей, огромные карие глаза. Глаза у Ники как у девочек в аниме – сверхогромные и миндалевидные. Я обязательно сделаю её фото и вышлю друзьям. Я такую девушку с такими необыкновенными глазами встречаю впервые. Ника невысокая, худенькая и с маленькой, но кругленькой, как мячик, попочкой и большой грудью. Ну, так скажем, с очень большой грудью. Думаю, размер пятый.

– У тебя большая грудь. Своя или делала пластику?

– Своя. А ты с какой целью интересуешься?

– Я? Я что?? Сказал это вслух???

Ника рассмеялась.

– Да ладно, я привыкла. Все пялятся и спрашивают. Со старших классов грудь стала у меня расти и больше хлопот доставляет, чем радости. В жару тяжело, белье найти хорошее сложно и много каких других хлопот с такой большой грудью. Думаю, все парни и мужики ко мне и лезут знакомиться только из-за моих прекрасных – это уже Ника сказал в больше в шутку – титечек. Ты тоже запал?

– Да. С первой минуты. Можешь записать меня в фанаты твоих выпуклостей! Ника, ты не споткнись, здесь ступенька.

– Да знаю, знаю я! Живу здесь как год! – и Ника все-таки споткнулась, но я её удержал и приобнял. Почти случайно.

Как она прекрасна!

Ника.

И от неё исходит сильная энергетика сексуальности и пахнет она ароматами ванили и пачули.

Пьянящий огонь её оджаса, тонкие горячие энергии её молодости и красоты, моё сильное влечение к её роскошному телу, это всё будоражит мою кровь и воспаляет голову и этот запах, запах, что исходит от ее кожи и волос.

Голова кругом. Даже в висках застучало от переизбытка крови.

– Хочу поцеловать тебя, но понимаю, что неправильно, это делать на первом свидании, – сказал я и отпустил свои руки. – Ну что, пошли покорять Нью-Йорк?

– Пошли. – А Ника была и не против поцелуя. Это я на-

косячил своей нерешительностью

– Только это не совсем Нью-Йорк, ну то есть это, конечно, Нью-Йорк, Большой Нью-Йорк, Нью-Джерси, ну то есть это не то, что имеют ввиду, когда говорят «покорять Нью-Йорк», думаю здесь это не уместно.

Она запуталась.

– В смысле покорять, не в смысле покорять, а просто покорять, – поддержал я её морально.

Мы улыбнулись почти виновато, чуть смутились и продолжили спускаться на первый этаж странно-пустого и тихого коттеджа. Вышли во двор и далее на улицу. Во дворе я снова запнулся как вчера вечером, когда только-только приехал сюда.

Торчит из земли обломок красного кирпича. И, главное, прямо на тропке. И никто его не выкапывает, не убирает. Не хватает в коттедже мужской энергии. И в Нью-Йорке не хватает мужской энергии. В Нью-Йорке мужчины в дефиците. Настоящие мужчины. А это и может вообще – системно и везде настоящие мужчины в дефиците?! Интересно стало мне – а я-то, я, я настоящий!?

Вот вернемся с прогулки – сказал про себя – и выкопаю кирпич, и точно стану ну очень настоящим мужчиной.

Я улыбнулся сам себе, но подумал: вот такие же обломки, осколки, остатки или, точнее сказать, останки моих прошлых сильных не исполненных желаний, торчат в моем сердце. И спотыкаюсь я о них, когда иду дорогами своей жизни.

Когда становлюсь успешным, беспечным, хрю-сытым, нагловатым и почти бессердечным. Вот обязательно, да и споткнусь о них.

И в сердце раны растревожу, и нос о землю разобью.

И к чему бы это всё? К чему все эти мысли?

Время всё мне покажет. Оно уж точно своего не упустит. Обязательно через такой осколок невыполненного желания подставит свою подножку.

Время всегда выставит свой счет! Только было бы чем его оплатить.

Это как у моего прекрасного друга и топ модели мира высокой моды умницы и красавицы Ирочки Ярмоленко несменяемый статус её личной жизни гласит – «Время всё расставит на свои места и каждый будет там, где должен быть!».

Ира! Ты как Звезда Пленительного Счастья!

И у тебя всё и всегда там, где надо и где должно быть.

И подписанный многомиллионный контракт, и крутые поклонники у твоих ног, да и сама ты сияешь, словно солнце то в рекламе на телевидении, то на мировых подиумах и показах, то на глянцевых обложках самых популярных журналов планеты.

Вижу перед собой Нику, но почему-то вспомнил Иру.

Неужели я до сих пор чуть-чуть жалею-сожалею, что с Ирой тогда не получилось!?

Эх Ира, Ира...

С Ирой не получилось, так может любовь с Никой у меня

получится?

И стою я на перроне в ожидании встречи со своим счастьем, о прибытии оно уже объявлено, и я его почти вижу, почти чувствую, почти слышу, как оно прибывает на мой путь – в моё сердце.

А что если оно и на этот раз проедет мимо и просто разочек гуднет мне «приветом» и скроется за поворотом?

Глава 11

Мы идем с Никой по уютным улочкам Большого Нью-Йорка и вокруг нас необычная тёплая осень, через пару дней Хэллоуин, а солнечно и даже жарко.

Деревья ещё полностью окутаны своей листвой, но листья до краев наполнились пестротой красок, точно созрели и как будто, только и, ждут сильного ветра, чтобы слететься к нам под ноги, создав прекрасный мягкий ковер, увы, не прожитых нами эмоций. И мы, идя по этому произведению природного искусства, с каждым своим шагом будем вспоминать, в чём нас обманула весна, а в чем лето.

Но это всё ещё только произойдёт, а сейчас, мы с Никой как будто путешествуем по сказкам своей жизни и ожидаем неких бесценных даров. Бредем в окружении романтической тишины и почти утонули в ярких красках и аромате осенних цветов.

Эта осень для нас и только для нас. Возможно эта осень – наша с Никой весна – весна нашей любви!

Ну и какой же я невыносимый сентиментальный болван,

когда влюбляюсь!

Ладно. По крайней мере, я знаю, чем всё всегда заканчивается.

Но мне сейчас не до этих реализаций моего прошлого опыта любви. Ну их! Пусть они до времени лежат-пылятся в далеких кладовых моего разума.

Всё равно время всё расставит на свои места. Ха-ха.

– Ника, а куда идем?

– Николас, мы идём кушать самую вкусную в Нью-Йорке итальянскую пиццу.

– Вегетарианскую? – я улыбнулся

– Ммм, ты веганскую, а я – мою любимую! – ответила весёлым голосом она, и снова этот её взгляд, пронзающий моё сердце, моим же желаем дарить любовь и быть любимым.

Да мы что? Уже влюблены в друг друга? Не может этого быть. Что так всё быстро безнадежно и неотвратимо. Хотя, почему – безнадежно? – любовь как раз и дает надежды.

Как там называется роман? «Сердце – одинокий охотник»?

Вот и наши с Никой сердца – одинокие охотники – увидели, поймали, пленили сердца друг друга и теперь мы каждый, и добыча, и хозяин добычи, но этого мы с Никой пока не знаем, но это уже знают наши сердца. Хотя я думаю, это Ника знала ещё вчера, когда мы только-только увидели друг друга.

Женщины, они такие, они всё понимают в любви и всё в

ней наперёд знают. Им, женщинам, только с нами с мужчинами не очень повезло. В любви мы не сильны, но зато мы сильны в желании секса, футбола и войны.

Вот и название для следующего романа – «Секс, футбол и война!». Книга про мужчин. Про мир мужчин и каково в нём женщинам. Не-е-е... Дописываю этот и завязываю. А чем тогда заниматься?!

Думал я и размышлял, а Ника шла рядом и что-то мне рассказывала про эти прекрасные тихие спокойные места. Где воздух чист и свеж, где по утрам и на заходе солнца слышен щебет птиц и шелест листьев, где за три доллара и двадцать минут на автобусе можно доехать до самого центра Манхэттена и попасть из «деревни» в Сити. Вот он Нью-Йорк. Вот он такой.

Я спросил Нику.

– Ника, а что ты знаешь о счастье? И вообще, расскажи о себе, пожалуйста!

Как важно слушать своих женщин, как это важно! Если бы мы, мужчины, тонко и внимательно слушали своих избранниц, то, сколько бед, несчастий и любовных размолвок можно было бы нам всем избежать. Важно, очень важно, задавать своим женщинам правильные вопросы и слушать их ответы. Хорошо – не понимать, ибо сказано, что даже высшие полубоги райских обителей не понимают женских замыслов, поэтому хотя бы просто слушать внимательно и с участием, и обязательно кивать в поддержку, а на её слова о коварстве

её же подружки говорить «да прости ты её, она же не красивая, а ты красивая, поэтому прости её!» И все! Дороже и прекраснее человека, чем ты никогда не было и не будет. Ты даже станешь для неё роднее, чем её мама. Ну, с её мамой, я, конечно же, приврал, но всё же.

И вот я задал вопросы. Я хотел услышать о простом человеческом счастье. Как его понимает и знает Ника. Потому что я думаю, что такие люди как она это самые счастливые люди на свете. И расскажет мне Ника о своём счастье и наполнится моя жизнь радостными эмоциями и прекрасными переживаниями, и придёт ко мне высокая грусть, и потом, уже ночью, проплачу я насквозь своё одеяло мужскими горючими слезами. И буду я до боли радоваться этому счастью Ники.

Она, Ника, необыкновенная девушка и счастье у неё тоже должно быть необыкновенное. Да! Оно, это Никино счастье, оно простое и человеческое, ну и пусть. Всё истинно человеческое оно и есть истинно простое, поэтому-то как раз и является очень необыкновенным, редким, ценным!

А утром, поблагодарив хозяина моего сердца за таланты, сяду я за свой писательский ноутбук и напишу роман от начала до конца, страниц так триста, да за один присест. Роман о настоящем человеческом счастье!

Я вопросом о её счастье перебил речь Ники на полу фразе. Она мне что-то рассказывала, а я не слушал, может, это всё было и не так важно, поэтому я и упустил смысл её моно-

лога, обращенного ко мне, на какое-то время даже перестал её слышать. Но она не обиделась, а наоборот – обрадовалась моим вопросам.

У Ники был голод по любовному общению. Женщины любят говорить о любви. Женщины всегда думают о любви, ищут её. Но женщины не видят главного – того, что они и есть проявление этой любви, что они её представители, каждая женщина индивидуальная, неповторимая, осознанная и личностная капелька этого нектара бессмертия и счастья, имя которому – Вечная Любовь.

Я её спросил, и она мне стала отвечать, рассказывать о себе.

И теперь я принял то, что Ника мне интересна и меня привлекает. Я принял эту свою влюбленность в неё. Пусть ещё не любовь, а всего лишь влюблённость, но и этого чувства достаточно, чтобы остро чувствовать, как мне нужна Ника, как она мне жизненно необходима.

И мне, чтобы завоевать её сердце, нужно сделать всего одну очень важную вещь – мне нужно её понять, понять её как личность!

И вот теперь Ника, захватила моё внимание, сердце, чувства и переживания. Я её слушал и слушал, как старинную мудрую песню, которую народы, пронесли через время и пространство, и я уже нахожусь под гипнозом этих прекрасных мотивов, рассказывающих мне о том, чем живут чистые сердца святых людей, которых интересует в жизни только

любовь.

Я её слушаю, а она от этого счастлива. Ника раскрывает мне своё сердце и говорит мне о самых сокровенных темах. А мы уже взяли за руки и идём-бредём, разговариваем. И слова Ники ввели меня в какой-то транс.

И я уже вижу, как мы с Никой выходим на сцену жизни, и мы с ней два главных действующих лица и исполнителя. Я – Герой, а Она – Героиня. И одеты мы в прекрасные театральные костюмы, и тексты нами выучены, и вокруг нас замечательные декорации. Зал пуст, зрителя нет. Это наша с ней генеральная репетиция, последний прогон и скоро премьеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.